

№ 60

Май 1963 год

ГОД ИЗДАНИЯ 12-Й

БОЕВЫЙ СУПЕР

LE PASSÉ MILITAIRE

ИЗДАНИЕ
ОБЩЕ - КАДЕТСКОГО ОБЪЕДИНЕНИЯ
ПАРИЖ

Редакция журнала «ВОЕННАЯ БЫЛЬ» сердечно поздравляет кадет Сибириков с днем стопятисотой годовщины основания их родного 1-го Сибирского Императора Александра I кадетского корпуса.

СОДЕРЖАНИЕ:

4-й Донской казачий артиллерийский дивизион в боях против австро-германцев — Е. Ковалев	1
Впечатления и эпизоды из цикла Вильно-Молодечненской операции 1915 года — Николай барон Будберг	5
Наши туркестанские начальники 1. Генерал Редько — полковник Елисеев	8
Картинки мирной жизни лейб-гв. Павловского полка. Императорский приз — А. Редькин	11
Великий Князь Сергей Михайлович — А. Левицкий	13
Шантунгский бой 28 июля 1904 г. — Николай Иениш	16
Трагедия XX армейского корпуса в Августовских лесах — З. Балтушевский	26
Конная атака (Взятие Большой Каходки) — Кн. А. Искандер	33
Еще об одной книге эпохи Отечественной войны — В. Р.	35
«Полковник Преображенский» — С. Андоленко	38
О Войсковых Регалиях Сибирского Казачьего Войска — сотник Е. М. Красноусов	40
Мальтийские святыни — Глеб Бенземан	41
Хроника «Военной Были»	42
Письма в Редакцию	44
К офицерам Белых армий — Редакция	46
Ко всем бывшим воспитанникам Военно-Учебных заведений — Алексей Геринг	46
Материалы к библиографии Русской военной печати за рубежом — Алексей Геринг	47

Изменение правил подписки:

Подписка принимается на ШЕСТЬ номеров, начиная с № 58 по 63 включ. Подписьная цена: зона франка — 15 фр., зона фунта — 25 шилл., зона доллара — 4 ам, дол. 50 ц. на ШЕСТЬ номеров. Почтовый счёт во Франции: «Le Passé Militaire» 3910-12 Paris.

Всю переписку по издательству направлять по адресу Редакции:
61, rue Chardon-Lagache, Paris 16.

ВОЕННАЯ БЫЛЬ

ИЗДАНИЕ ОБЩЕ-КАДЕТСКОГО ОБЪЕДИНЕНИЯ ПОД РЕДАКЦИЕЙ А. А. ГЕРИНГА.

АДРЕС РЕДАКЦИИ И КОНТОРЫ — 61, rue Chardon-Lagache Paris (16) MIR 72-55

12-й год издания

№ 60 МАЙ 1963 Г.

BIMESTRIEL. Prix — 2,50 Frs

ХРИСТО С ВОСКРЕСЕ!

4-й Донской Казачий Артиллерийский Дивизион в боях против Австро-германцев

(Источники-материалы из архива Союза Донских Артиллеристов: воспоминания Полковника Лукьянова С. А., Войск. Старшины Измайлова А. М. и др.).

Мобилизация 4-го Донского казачьего артиллерийского дивизиона прошла блестяще. Единственное затруднение доставил конский состав, присланный из г. Ростова: это были громадные жеребцы, на которых с трудом влезали хомуты, и несколько из них пришлось оставить в артиллерийской команде, так как ни один хомут не лез им на голову. Благодаря тому, что состав батарей пополнялся казаками, живущими в ближайших к Новочеркаску округах, дивизион смог выступить из Новочеркасска на 11-ый день мобилизации, а так как это были первые части, уходившие на войну из этого города, то овациям не было конца.

Дивизион выступил в следующем составе: командир дивизиона — полковник Алексеев А. В., дивизионный адъютант — сотник Измайлова А. М. (вып. 1909 г.); 8-ая Донская казачья батарея: командир батареи — войск. старш. Лукьянов С. А., подъесаул Лениров С. А. (вып. 1902 г.), подъесаул Лобачев А. И. (1902), хорунжий Болдырев А. В. (1912); 9-я Донская казачья батарея: командир батареи — войск. ст. Денисов А. П., Есаул Слюсарев Г. В. (1897), подъесаул Горский Н. А. (1902), сотник Поляков А. А. (1909), хорунжий Филатов Ю. С. (1912).

Станцией высадки был г. Люблин, и дивизион, собравшись в казармах саперного батальона, выступил в южном направлении на присоединение к 3-й Донской казачьей дивизии (18-й, 20-й, 30-й и 32-й Донские казачьи полки), уже вошедшей в соприкосновение с противником и с нетерпением ожидавшей свою артиллерию. Дивизия была придана Гренадерскому корпусу, который, нарывавшись на превосходные силы австро- германцев, отходил к Люблину, все время упорно отбиваясь и неся большие потери от старавшегося окружить корпус противника.

Первое боевое крещение батареи получили 6-го (19) августа 1914 г. под м. Туробина, когда обозшедшая с фланга неприятельская пехота с артиллерией заставила дивизион уйти с позиции без убитых, но с ранеными, причем 9-ая Донская казачья батарея, выехав на открытую позицию и попав под шрапнельный огонь двух неприятельских батарей, на руках откатывала орудия.

Тогда еще не было общего фронта, и Гренадерский корпус на широком фронте от Замостья до г. Янова сдерживал наступление австро- германцев, а поэтому 4-му Донскому артиллерийскому дивизиону пришлось все время мотаться с фланга на фланг и огнем своих бата-

рей выручать из критического положения окруженных гренадер. Насколько была утомлена дивизия видно из ответа начальника дивизии Свиты Его Величества ген. Евреинова *), который на замечание командира Гренадерского корпуса генерала Мроздовского: «Почему дивизия не идет рысью на выручку окруженных гренадер» — ответил: «Мой конь стоит 700 рублей, а я от него, кроме шага, добиться ничего не могу. Чего же я могу требовать от казаков?»

Так была утомлена дивизия вследствие ежедневных боев и усиленных переходов. Это подтверждает в своих воспоминаниях и ген. Акулинин (Оренбургского войска), состоявший в то время в штабе 3-й Донской дивизии в чине капитана генерального штаба:

— «3-я Донская дивизия была второочередная. Полки и сотни еще не успели втянуться в боевую работу... Технические и огневые средства дивизии были весьма ограничены: пулеметов и телефонов совсем не было. В период, предшествовавший бою у Суходолов, части 3-й Донской казачьей дивизии были сильно разбросаны... Большой наряд казаков уходил на обслуживание пехоты, на поддержание связи и командировки в тыл для разыска штабов и обозов. В последние дни августа полки не имели отдыха, лошади не расседливались, люди не получали в должном количестве горячей пищи. Сотни были измотаны не столько боями, сколько беспрерывными передвижениями и днем и ночью из одного района в другой». (Русский Инвалид № 133. 1939 г.).

Отход русских войск продолжался до Люблина, где уже ждали свежие пехотные части, и здесь начались знаменитые Люблинские бои, окончившиеся полным разгромом противника и отходом его до Карпат.

Под Любlinом 4-й Донской казачий артиллерийский дивизион вошел в подчинение командиру Гвардейского корпуса и батареи получили задачу помочь частям прикрывать левый фланг корпуса около ст. Травники. Свою задачу батареи выполнили прекрасно и войск. старшина Измайлова лично слышал от пехотных солдат, что если бы не огонь казачьих батарей, то нашим цепям невозможно было бы подняться из-за огня неприятельской артиллерии и пехоты и перейти в наступление.

В бою 20 августа (2 сентября), при разгроме правого фланга 24-й Австро-Венгерской пехотной дивизии колонной ген. Волошинова, на участке Суходолы-Олесники, когда особенно отличился 81-й пех. Апшеронский полк, который поддерживали 4 орудия 9-й Донской казачьей батареи, составлявшей всю артиллерию колонны, было взято в плен 60 офицеров и 5000

солдат пяти полков 2-й и 24-й австро-венгерских пехотных дивизий и 10-й маршевой бригады и много военных трофеев. Разгрому австрийцев содействовала 3-я Донская казачья дивизия в составе: 18-го, 30-го и 32-го Донских казачьих и 13-го Оренбургского казачьего полков ***) с 8-й Донской казачьей батареей и взводом 9-й Донской казачьей батареи, занявшая д. Олесники до прибытия туда частей 205-го Шемахинского полка и создавшая угрозу флангу и тылу противника, направив 13-й Оренбургский казачий полк по правому берегу реки Вепрж. (Ген. Головин. Галицийская битва).

На следующий день, 21-го августа (3 сентября), на левом фланге колонны ген. Волошинова у д. Суходолы произошла неувязка. Разбитая накануне 24-я австро-венгерская дивизия сохранила свою артиллерию, которая сразу же приобрела господствующее положение на поле боя. В первую половину дня у противника имелось 7 батарей против 2-х наших (8-я и 9-я Донские батареи), а во второй половине дня к ним присоединилась еще артиллерия 45-й австро-венгерской пехотной дивизии, подошедшей к д. Лопенники. Положение становилось критическим, но среди дня на ст. Травники высадились части 111-го Кавказского корпуса (206-й Сальянский и 82-й Дагестанский полки), которые немедленно были двинуты на поддержку. В 15 ч. в распоряжение 3-й Донской казачьей дивизии прибыл из Холма, из состава 4-й Донской казачьей дивизии, 5-й Донской казачий артиллерийский дивизион (10-я и 11-я Донские казачьи батареи), который занял позицию западнее д. Олесники и открыл огонь совместно с 8-й и 9-й батареями.

«С прибытием этих батарей, пишет ген. Акулинин, «произошел несомненный перелом боя в нашу пользу».

Это же подтверждает в своих воспоминаниях 10-й Донской казачьей батареи в. старш. Федоров П. А.: «В бою 21-го августа (3 сентября) 10-я Донская каз. батарея имела немалый успех. Этот день был как бы решительным для австрийской армии, которая, после сильного нападка на русскую армию, начала отступать, и в ночь на 22 августа (4 сентября) части 4-й Донской каз. дивизии повели преследование противника. В этот день наш дивизион вел бой по соседству с 4-м Донским каз. артилл. дивизионом. В бою был ранен ружейной пулей в грудь командр 11-й Донской каз. батареи войск. старш. Поляков Павел Иванович.

24-го августа 10-я Донская каз. батарея с бригадой конницы, зайдя в глубь расположения противника под м. Фрамполь, разбили и уничтожили громадные обозы, обстреляв их с от-

*) За неудачный бой 19-го августа он был уволен от должности начальника дивизии и, уехав в тыл, застрелился.

**) 20-й Донской казачий полк был прикомандирован в качестве корпусной конницы к XV-му армейскому корпусу.

крытой позиции. 19-й Донской каз. полк и 4 сотни 25-го Донского каз. полка атаковали. Конница противника, находившаяся в прикрытии, в беспорядке отступила. Здесь были взяты сотни пленных австрийцев, солдат и офицеров». (Командиром 19-го полка был в то время войск. старш. Мамонтов, прославившийся позже в 1919 г. своим рейдом по тылам Красной армии). Разбитый неприятель отступал с боями, задерживаясь на каждой удобной позиции и лишь окончательно разбитый под г. Янов, Люблинской губ., спешно отошел, оставляя много пленных и большие обозы.

За бои под Люблинским все офицеры были представлены к двум наградам, а казаки к Георгиевским крестам и медалям.

За время Люблинских боев батареи понесли большие потери убитыми и ранеными. Под командиром 8-й Донской каз. батареи войск. старш. Лукьяновым был убит конь и сам он ранен шрапнельной пулей под левый глаз и контужен; ранен в руку на вылет шрапнельной пулей подъесаул Ленинов и контужен хорунжий Болдырев.

Под г. Янов встретились с 14-й и 15-й Донскими батареями, бывшими в составе Уральской казачьей дивизии.

Перейдя австрийскую границу возле г. Янов, дивизия, оторвавшись от своей пехоты, начала самостоятельно преследовать неприятеля и с боями дошла до г. Дембице у подножья Карпат. За обладание этим городом был довольно упорный бой, а к преследованию отошедшего неприятеля подошли 6-я и 7-я Донские каз. батареи.

В этом городе дивизия остановилась и начала разведочную службу, связавшись с 11-й кав. и 3-й Кавказской каз. дивизиями, причем на разведку ходили и отдельные взводы 8-й и 9-й батарей. Когда кавалерийская разведка выяснила, что неприятель, получив подкрепление, стал окружать г. Дембице, избегая взять его боем, храбрый начальник дивизии Свиты Е. В. генерал Гилленшмид, решил оставить этот город лишь тогда, когда последний путь был пересечен неприятельской пехотой, спустившейся с Карпат.

8-й и 9-й батареям пришлось пробиваться без дорог, лесом, в упор стреляя по идущему по дорогам неприятелю, часто оставаясь лишь с прикрытием, и только хладнокровие начальника дивизии выручило дивизион из тяжелых положений.

Отошедши к своей пехоте, которая была удалена на г. Дембице на расстояние около 150 километров, 4-й Донской артиллерийский дивизин получил приказание вместе с дивизией стойти за р. Сан и расположиться на отдых в д. Олесники, в разрыве командующего 3-й армией, а пехота заняла позиции по р. Сан. Во

время отдыха батареи несколько раз выезжали на позиции к р. Сан возле г. Ярослава и своим огнем помогали продвижению пехотных частей на неприятельском берегу реки.

В это время батарея перешла на 4-х орудийный состав и передала лишние орудия батареям 3-й Кавказской казачьей дивизии.

После долгих и упорных боев на р. Сан неприятель был сломлен, и дивизион с дивизией, переправившись на левый берег р. Сан, получил приказание помочь блокаде крепости Перемышль до подхода 9-й кавал. дивизии, а потому дивизия, заняв г. Дубецко, с боем заняла позиции около крепости, но вскоре 8-я батарея с казачьей бригадой была послана со сводной кавалерийской дивизией на преследование отходящего противника, а 9-я Донская казачья батарея с другой казачьей бригадой оставалась еще дней 7 на позиции до подхода 9-й кавалерийской дивизии. За время стоянки под крепостью Перемышль артиллерийских боев не было, а потому 9-я батарея, после смены, могла усиленными переходами двинуться на присоединение к 8-й батарее.

Присоединившись к 8-й батарее в м. Горлице, дивизион с дивизией дошли до г. Новый Сандец, который заняли после артиллерийского боя. При занятии г. Старый Сандец к нам подошли 2-я и 3-я Донские казачьи батареи и своим огнем помогли отогнать противника.

9-я Донская казачья батарея с казачьей бригадой была оставлена в Новом Сандце для прикрытия левого фланга 3-й армии, так как между 3-й и 8-й армиями образовался большой прорыв, а 8-я батарея с другой бригадой двинулась дальше на Лиманов-Краков. За Лимановом были обнаружены сильные силы неприятеля и 8-я батарея много раз отстреливалась от пехотных частей противника, ставшихся окружить в горах казачью бригаду, и, после того как разведка выяснила появление в массах неприятеля, 8-я батарея с казачьей бригадой отошла за свою пехоту и расположилась в г. Тарнов.

За оборону Нового Сандца командир бригады ген. Кунаков и адъютант дивизии ген. штаба капитан Акулинин (Оренбургского войска) получили ордена Св. Георгия 4-й ст., а г. г. офицеры очередные награды.

В конце декабря 1914 г. дивизион с дивизией двинулся к м. Горлице на усиление X-го армейского корпуса. 4-й Донской казачий артиллерийской дивизион сменил на позиции 49-ю артиллерийскую бригаду, причем 8-я батарея стала на позиции южнее д. Менцина Велька, а 9-я батарея на несколько километров западнее.

На этих позициях батареи оставались до весны 1915 г., помогая 9-й пехотной дивизии отражать атаки неприятеля, который часто атако-

вывал наши позиции, но всегда отступал, оставляя убитых, ранены и пленных.

На этой позиции был убит сотник Болдырев Александр Владимирович, награжденный посмертно орденом Св. Георгия 4-й ст. Были потери и среди состава батареи, так как деревня Менцина Велька была под обстрелом неприятельских батарей. Позже, на этом месте, подошедшая немецкая пехота и артиллерия пробили весною 1915 г. фронт X-го армейского корпуса.

Ранней весною дивизион с дивизией отошел на отдых в г. Ясло, куда прибыл в день взятия Перемышля, и потому было отслужено благодарственное молебствие.

Простояв на отдыхе два-три дня, дивизион с дивизией выступил через Дуклу Свидник и стал на позиции в северной Венгрии около г. Бартфельд на правом фланге 8-го армейского корпуса генерала Леша. Батареи вели пристрелку, помогая казакам вести пешую разведку. Сюда пришло первое пополнение казаками и 6 офицерами (хорунжие: Щетковский, Фомин, Колников, Багаев, Самсонов и Сергиев).

Казачьи части скоро были заменены пехотой, а батареи ставались на позиции до апреля 1915 года, когда, во исполнение тревожного приказания спешно присоединиться к дивизии, отошедшей к г. Тарнов, дивизион усиленными переходами выступил на Свидник, Дуклу, Змиогрод, Ясло. Шоссе под Змиогродом было уже под огнем немецкой артиллерии, пробившей фронт южнее м. Горлице и отрезавшей путь 48-й и 49-й пех. дивизиям. В г. Ясло дивизион поступил в распоряжение ген. Ирманова, команда 111-го Кавказского корпуса, спешно прибывшего на Горлицкий прорыв, но без артиллерии.

Сначала с 111-м Кавказским корпусом, потом с остатками 10-го армейского, 4-й Донской казачий дивизион отходил почти до р. Сан.

Командиру 4-го Донского казачьего артиллерийского дивизиона были подчинены остатки артиллерии 10-го армейского корпуса: одна батарея 61-ой артилл. бригады и сводная батарея 31-й артиллерийской бригады. Отход с артиллерийскими боями продолжался почти до р. Сан, где дивизион соединился с 3-й Донской казачьей дивизией и вошел в состав 4-го Конного корпуса, с которым и продолжал отступление на Любачев, Рава-Русская, Крылов, Владимир-Волынский, где, после смотра дивизии Походным Атаманом генералом Покотило, дивизион с дивизией был погружен в вагоны около Ковеля и направлен на пополнение в Петроград, куда пришел лишь 18-й Донской казачий полк, шедший в голове дивизии, а остальные части со ст. Дно повернули на Ригу, где немцы вели сильный нажим.

В г. Вольмар дивизион был выгружен в на-

чале июля 1915 г. и стал на отдых, а подъесаул Измайлова был послан в Петроград для ходатайства о присылке новых орудий, так как старые были расстрелены до крайних пределов. Через десять дней прибыли новые пушки, зарядные ящики, бинокли, телефоны и другое артиллерийское имущество для замены пришедшего в негодность за время Карпатских боев.

Первой боевой задачей дивизии на новом фронте была охрана побережья Балтийского моря от Пернова до Риги, где она сменила Уссурийскую казачью дивизию. Вся забота состояла лишь в том, чтобы заранее подготовить укрепленные позиции на случай возможной высадки немцев.

В дальнейшем, дивизион был на разных позициях по Двине, начиная от Якобштата, где сменил 16-ю и 20-ю Донские казачьи батареи, охранявшие железнодорожный узел от нападения неприятельских аэропланов. Был под Ригой, под Фридрихштатом, под Икскулем в составе пехотной дивизии, причем наблюдательный пункт был в латышских окопах на левом берегу Двины.

Во время прорыва немецкой кавалерии у Свенцян, дивизион с дивизией был переброшен к г. Полоцк, выгружен на ст. Глубокое и участвовал в ликвидации Свенцянского прорыва, а затем стоял на позиции в составе 1-го армейского корпуса возле р. Дрисвята, после чего дивизия сформировала конный корпус с Сибирской казачьей дивизией, на позиции возле Штокманского.

Во время пребывания на северном фронте были свидетелями гибели русского аэроплана, сбитого огнем немецкой артиллерией, который, загоревшись, упал за Двиной в неприятельском расположении. Известили по телефону штаб корпуса и узнали, что на аэроплане был наблюдателем донской артиллерист сотник Борис Кундрюцкий.

Когда под Ригой армию, кажется 6-ю, принял генерал Куропаткин и по его требованию, во время смотра 3-й Донской казачьей дивизии, были представлены списки потерь дивизиона за все время войны, то ген. Куропаткин был очень удивлен, что потери дивизиона составляли 50 процентов наличного состава.

В ноябре 1916 г. с позиций около Штокманского дивизион был переброшен на Румынский фронт и был выгружен на ст. Тирасполь, откуда походным порядком с дивизией через Бендера, Болград, переправившись через Дунай около Ферапонтьевского монастыря, прибыл через Мацин на правый фланг армии, действовавшей в Добрудже. Здесь дивизион с дивизией прикрывал отступление фланга армии за реку Дунай и, ведя упорные артиллерийские бои, содействовал отступлению без потерь и

паники, которую вносили разбежавшиеся солдаты румынской армии.

В Добрудже был убит донской артиллерист, командир 18-го Донского казачьего полка полковник Рыковский, который остался пропускать отходящий полк и был убит пулей. Когда Добруджа была оставлена нашими войсками, дивизион, перейдя Дунай возле Браилова, остался под Браиловым, как противо-аэроплановые батареи, и стоял там, пока наша пехота не отошла к г. Галац, после чего отошел к г. Рени,

где 8-я батарея обороняла берег Дуная, а 9-я — берег Прута.

На этих позициях артиллерийских боев не было, но наше расположение находилось под огнем немецких дальнобойных батарей, стоявших вне досягаемости наших орудий. Здесь из состава дивизиона была выделена 30-я Донская казачья батарея для отправки на турецкий фронт в Персию, но начавшаяся революция положила конец войне.

Е. Ковалев

Впечатления и эпизоды из цикла Вильно-Молоденченской операции 1915 года

(Из боевой жизни Лейб-Гвардии 1-го Стрелкового Его Величества полка)

Когда летом 1915 года я прибыл из Нового Петергофа с маршевой ротой 1-го Сводно-Гвардейского запасного батальона на фронт в штаб гвардейского корпуса, то этот последний находился где-то под Холмом. Будучи сразу же направлен в Гвардейскую Стрелковую дивизию и сдав роту Л. Гв. в 3-й Стрелковый Его Величества полк, я сам вернулся в штаб дивизии. Явившись начальнику дивизии генералу Дельсалю, которым был чрезвычайно радушно принят, я остался на короткое время в распоряжении Нач-ка штаба, полковника Шуберского, ныне генерала, живущего на юге Франции, в Ментоне.

Недели через две он направил меня в Л. Гв. 1-й Стрелковый Его Величества полк. Тем временем бои уже происходили западнее города Вильно. Теперь уже «мой» полк, куда я был назначен младшим офицером в 6-ую роту и в котором мне суждено было пробыть до августа 1917 года, принимал в делах его самое активное участие.

Пожар.

Высокий сосновый лес. Мало-протоптанная дорога и по ней идет наш полк. Кругом ночь... Пахнет гарью... Серые тучи покрывают небо и только изредка выглядывает из-за них месяц. Вот кончился лес. Мы вышли на большую дорогу. Впереди деревушка и ярким пламенем горят ее хаты. Это еще увеличивает мрачный фон темной ночи. Огненные языки как-то сразу охватывают срубы из грубо-сколоченных

бревен. С треском падают стропила, разбрасывая во все стороны искрящиеся головни, и только окруженные морем пламени стоят трубы, упорно не желая сдаваться стихии.

Не останавливаясь, мы почти бегом проходим сквозь море огня и дыма. А там, впереди, нас ждут новые поля, леса и туман наступающего утра.

Бой 3-го сентября..

Сегодня 3-ье сентября. Помню, было еще тепло и ходили мы без шинелей. 2-ой батальон, где я был младшим офицером в 6-ой роте, стоял в лесу западнее Вильно. Командующий батальоном Олег Иванович Пантюхов прикомандировал меня временно к себе, и теперь мы устраивались в только что заготовленном блиндаже. Три наката бревен, дерн, изнутри крепкие подпорки — таким впервые я увидел серьезное укрытие, а не бутафоршину на занятиях в военном училище. Вместо стульев и столов — ящики и доски. Нары, наскоро сколоченные, железная печь и место для телефониста. — Утро было чудесное. На фронте всеказалось спокойным, только где-то издали постреливали пушки. Приблизительно около часу дня собранская прислуга принесла обед, и мы только что успели сесть за суп, на этот раз пустой бульон, как почти над самой головой, дав немного перелет, разорвалась шрапнель, а за нею другая, третья... Это было так неожиданно, что мы вскочили с места и минуту не знали, что бы это могло значить. Но вот впереди, на опушке ле-

са, шагах в пятистах, началась ружейная и пулеметная стрельба, и шрапнели то и дело сыпали свои осколки по высоким сосновам леса. Скоро он весь шумел и дрожал так, что трудно было услышать свой собственный голос. Было ясно: противник повел наступление на наши окопы, а огонь батарей перенес на резервы. Спустя некоторое время, мы увидели пробегающих мимо блиндажа солдат. Оказывается, рота какого-то полка, занимавшая окопы, отходила, и в них уже были германцы. Командир батальона приказал мне передать командиру находящейся тут же в резерве 5-ой роты штабс-капитану Александру Александровичу Петрову распоряжение повести наступление на потерянный окоп и взять его обратно. Петрова я не нашел, он куда-то временно отлучился, и вот тогда я был назначен его заместить.

В дрожащем и стонущем лесу, по личным указаниям командира батальона, я рассыпал роту в цепь и повел ее по направлению опушки. Это был мой первый серьезный бой, моя первая атака, мое первое самостоятельное командование. Лес был не слишком густой, и мы довольно быстро продвигались вперед. Я видел, как ближайшие стрелки постоянно поглядывали на меня, иду ли я или нет. Тут впервые я немного ознакомился с психологией солдата в бою.

Пули жужжали и ударяли о стволы деревьев. Пулеметный и ружейный огонь противника становился все интенсивнее и более поражающим. Но вот мы вышли на опушку. До окопов оставалось шагов сорок. Мы крикнули «ура». Видим немцы убегают. Еще маленько усилие, и мы снова владеем позицией. Заодно забрали задержавшийся пулемет противника и несколько человек пленных.

Окопы были неважные, наспех приготовленные, едва по грудь стрелкам. Стоять надо было согнувшись, проходить вдоль — очень затруднительно. Помню, как стрелки советовали мне, еще молодому и неопытному офицеру, зря не показываться. Противник тем временем начал обстрел нашего окопа. Сначала ружейным и пулеметным огнем, а потом и артиллерией. Он, видимо, во что бы то ни стало хотел заставить нас снова уйти и потому не жалел снарядов. Мне, да и не мне одному, казалось это массированием огня чем-то ужасным, умопомрачительным. От частых перелетов гранатами, как бритвой, срезались близкие деревья или вырывались целиком с корнями. Лес за нами стонал и был весь в огне. Но окопы нужно было держать — наш участок приходился как раз на стыке двух армий — чтобы не дать противнику возможности вбить клин.

Я с трудом прошел вдоль линии стрелков. Они, положив винтовки на бруствер, ждали. Один раз показалось будто немцы выбежали

из своих окопов, чтобы атаковать нас, но потом снова вернулись. Влево я держал связь с 4-ой ротой подпоручика Евгения Христофоровича Дампеля*). Я и к нему зашел в блиндаж посоветоваться, как со старшим, уже опытным ротным командиром. Такое наше сидение продолжалось до позднего вечера и только тогда противник несколько утихомирился. К этому времени было получено приказание отходить к штабу полка. Когда наступила ночь, оставив застрельщиков, выбрались из окопов и пошли. Приходилось возвращаться тем же лесом. Рота, разбившись на партии по-взводно, шла различными путями. Со мною было человек сорок стрелков. Знали только направление и выручал компас. По мне и моим людям кто-то выстрелил из густых придорожных кустов разбитого леса. На одной из прогалин издали увидели группу солдат. Подошедши ближе, узнали Александра Александровича Петрова с несколькими стрелками. Общими силами вышли большую дорогу и теперь уже скоро были у штаба полка.

Отход за Вильно.

Лес, поля, снова лес... Мгла ночи лежит над лесами, покрывает и нас. Я снова вернулся в свою 6-ую роту и иду впереди стрелков. Их командир, прапорщик Ипатьев, сын известного химика, убит. Рассказывали, что когда его рота взяла, подобно нам, окопы, он вспрыгнул на бруствер и начал хлопать в ладоши. В этот момент пуля попала ему в область живота. Жаль было бедного. Он был славный и милый человек и стрелки его любили. Теперь я принял роту вместо него. К утру были недалеко от Вильно. Из-за холмов виднелся город. Вильно сдаем и уходим дальше. Полк медленно двигается по запруженным улицам. Все забито людьми, повозками, кухнями и бесконечными обозами. У моста пришлось остановиться и основательно прождать. Наконец перешли. Впереди скучная, серая дорога.

На новых позициях.

Местность совершенно открыта и ее прорезают наши окопы. Два часа тому назад пришли на позицию, и лихорадочно заработали лопаты. Знали, что противник недалеко и надо успеть к его приходу. Теперь все готово и мы ждем. Около двенадцати показались первые немцы. Вдали, на опушке леса, перебегая с места на место, они старались разузнать, где мы. У них нет окопов, а мы зарылись в землю. Но

*) Е. Х. Дампель (георгиевское оружие) в конце войны был штабс-капитаном и умер уже значительно позже в г. Пернове, Эстляндской губ., вернее, тогда уже республики Эстонии.

Группа офицеров лейб-гв. 1-го Стрелкового Его Величества полка.

вот по телефону передают приказ: «Отходить по компасу строго на юг». Такая поспешность озадачила. Ведь еще даже выстрелы не было, противника почти не видно, и как же так уходить, не оказав сопротивления. Мы, конечно, догадывались, что общая обстановка этого требует, но было как-то обидно и за свою работу, и за то, что приходится на глазах у противника уходить из окопа и уступать ему. Но делать нечего. Цепью двинулись назад. Любопытная получалась картина: по ровному, совершенно открытому полю идут наши цепи, за ними — медленно, не спеша, осторожно — цепи германцев. Ни с нашей, ни с их стороны не было выстрела. До леса, который мог бы нас укрыть, еще довольно далеко. Шел и думал: неужели не обстреляют, как следует, артиллерией? Но видно, у них еще не была налажена связь с батареями и, кроме того, наш отход являлся, вероятно, уже слишком неожиданным. Но вот и лес. Сразу охватил полумрак. Вышли на дорогу. Рота собралась. Позиция осталась далеко позади. Шли молча, не нарушая тишины, а куда шли — и сами не знали. Кончился лес. При дороге одинокий дом. Захожу... Все перевернуто вверх дном. На полу валяются книги с изорванными страницами, мебель разбита, обивка срезана, пружины торчат наружу. Кто это сделал? Бог один знает, куда делся хозяин, куда угнал скот. Подходим к большой мызе. Помещичий дом освещен. Оказывается, тут происходит военный совет. За большим столом сидит наше дивизионное начальство и склонилось над картой: куда итти, как лучше вырваться из этой

петли, которая стягивается все уже и уже?

Я устроил роту в пустом сарае, а сам пошел в хату, где видны были офицеры нашего полка. Большая комната. На полу солома и на ней дремлют измученные переходами и боями последних дней наши офицеры. За небольшим столом сидят командир генерал-майор Левстрем и адъютант капитан Ковальков. Я не мог больше стоять на ногах и, как был, повалился на солому. Засыпая, слышу голос адъютанта: ... «Будберга с 6-ой ротой... на позицию в лес».. Так и не удалось отдохнуть. Через полчаса был уже в пути. Вместе со мной пошел и А. А. Петров во главе своей пятой роты. Получили задание идти к определенному лесу, рыть окопы и снова задерживать наступление противника. — Темно. Идет дождь. Как долго продолжался наш путь, не знаю, но еще до зари были на месте Густой лес. Направление взяли по компасу и стали рыть. Но вот фатально. Преображенцы, с которыми мы соприкасаемся левым флангом, делают окопы прямо в противоположную сторону. Сравниваем, изучаем карту и, наконец, убеждаемся, что мы правы. Утро. Дождь перестал и выглянуло солнце, но в лесу в окопах сырь и неуютно. Впереди слышны голоса, шум кирок и лопат: немцы подошли и укрепляются. А к обеду начался обстрел. До самого вечера рвались шрапNELи, гранаты вырывали воронки и над головой свистали пули. Но атаки ждали напрасно. Ночью сообщили по телефону, что приказано отходить. Как можно тише, чтобы не подымать шума, по одному выходили из окопа и собирались в глубине леса.

Вся рота вышла благополучно. Тихо идем по лесной дорожке. Только спустились в лощину, как вдруг затрещал пулемет, зажужжали пули. Значит, услыхали. На наше счастье прицел был взят слишком высоко, и только синие огоньки на высоких соснах показывали, куда ударяют пули. Я каждую минуту ждал, что заговорят батареи, но они почему-то молчали.

Вырвались.

Ночь. Полк уходит. Рота за ротой усталым

шагом идет от привала к привалу. Темно и только вдали, образуя почти замкнутое кольцо, светятся огоньки. Прямо впереди, там, куда мы спешим, еще нет этих предательских огней. Но с каждым днем кольцо делается все уже и уже... Сколько дней и ночей бродили так, — уже не помню, но, в конце концов, вышли благополучно из окружения. Потрепался, измучился полк, но настроение было бодрое и ждали новых дел.

Николай барон Будберг

НАШИ ТУРКЕСТАНСКИЕ НАЧАЛЬНИКИ

ГЕНЕРАЛ РЕДЬКО

Он был командиром бригады 13-го и 14-го Туркестанских стрелковых полков с артиллерией и, одновременно, начальником гарнизона города Морв, в который входил и наш 1-й Кавказский полк Кубанского Войска своими двумя сотнями, находившимися при штабе полка. Четыре же сотни полка находились на Афганской и Персидской границах, именно: 4-я сотня есаула Калугина на посту Пуль-э-Хатун на Персидской границе, 1-я сотня есаула фон-Озаровского и 5-я подъесаула Успенского в крепости Кушка и 2-я сотня есаула Ерыгина в уроцище Тахта-Базар. Эти два пункта были на Афганской границе. Эти сотни, с объявлением войны, прибыли в Мерв и вместе с полком выступили на Турецкий фронт 25 августа 1914 года.

Генерал Редько (ударение на «о») был сухой и строгий начальник, которого в гарнизоне боялись, но очень ценили и уважали как хорошего, честного, хотя и требовательного, начальника.

Казаки в Мерве, то-есть наш полк, находились на каком-то особом положении, как бы автономными и изолированными от всех пехотных частей и артиллерии. Эти последние квартировали в «новом городе», где не было гражданского населения, а были лишь много-

численные казармы и казенные квартиры для офицеров и их семей, гарнизонная церковь и гарнизонное офицерское собрание. Вообще же, кроме семей офицеров и железнодорожников, в Мерве совершенно не было русских частных жителей. Железнодорожные служащие имели свой клуб, в который вход офицерам запрещался, поэтому эти две категории русских людей жили совершенно обособленно друг от друга и не имели между собою никакого общения.

Штаб нашего полка, две сотни казаков и многочисленные команды полка квартировали в «старом городе», в собственных саманных казармах, построенных самими казаками. Казенных офицерских квартир не было, и все офицеры и их семьи жили на частных квартирах, у армян. Весь старый город был густо населен торговцами — персами, армянами и другими восточными людьми. В нем было только три улицы: главная Кавказская, мощенная булыжником, Железнодорожная и Офицерская — пыльные и чисто азиатские. Было три гостиницы европейского типа, больше пустовавшие, но очень шумные, когда останавливались в них приезжие певички, выступавшие на сцене с соплязническими песенками и танцами... В городе не было даже кинематографа, поэтому по-

нятно, с каким удовольствием молодое офицерство посещало выступления этих милых певицек.

Полк, офицеры и их семьи, жили совершенно изолировано, встречаясь с офицерами Туркестанских стрелков и артиллеристами только в гарнизонном собрании на вечеринках с танцами, которые бывали нечасто. С офицерами Туркестанцами мы жили дружно, любовно, чисто по-кунацки, но семьями знакомы не были.

Старшие офицеры полков любили бывать у нас на Войсковом празднике, так как у казаков всегда было весело, просто и непринужденно. Хор трубачей, песенники, казаки-танцоры, черкески, папахи, молодецкая выправка казаков, почтительное послушание офицерам.

Казаки и стрелки изредка встречались на азиатском базаре, который находился на большой площади у самой восточной стены громадного нашего полкового двора с казармами, копюшнями и водопоем. Они отдавали друг другу воинскую честь, но знакомства не было. Внимание оказывалось по чувству отдаленности «от России» и сознанием, что все они находятся на границе своего Великого Отечества, живут среди азиатских народов, у которых и язык, и вера, и обличье, как и сама их жизнь — совершенно разнятся от нашей. Кто служил на окраинах России, тому эти чувства понятны.

Река Мургаб, почти со стоячей водой, пропадавшая где-то в песках, служила точной границей старого и нового города, соединяя их деревянным мостом — вернее мостиком.

Насколько наш полк был изолирован от всего пехотного гарнизона говорит то, что генерал Редько — службист и формалист — ни разу не посетил наш полк в течение года, хотя бы для того, чтобы узнать, что делается у казаков, то есть — какова их служба, какова их подготовка к войне? Ни разу не посмотрел и полковую учебную команду, рассадницу в полку младшего командного состава — урядников. Молодым хорунжим я был помощником начальника команды, почему и могу свидетельствовать о том, что было в действительности.

Мы жили совершенно самостоятельно и это нам нравилось, хотя и служили одному Русскому Белому Царю, как называли Императора все туземцы этого края.

Новый 1914-й год. Традиционная встреча его всеми офицерами гарнизона в офицерском собрании. Все в парадных формах. Большой ужин. Столы заняли «по полкам». Мы офицеры — в своих черкесках и алого цвета бешметах, расшитых кавказским галуном, при дорогом оружии в серебре, в эполетах. Красота нашей Кубанской парадной формы была иск-

лючительная: — на черном и красном фоне сплошное блестящее серебро. Поперек груди «резала» — все это тесьма.

Новая форма парадных мундиров стрелков и артиллерией была также красива: на кителях защитного цвета, во всю грудь, был цветной лацкан — у Туркестанских стрелков малиновый, а у артиллеристов, кажется, вишневый. В общем — цвет лацкана по роду оружия и части.

Столь большое различие парадных форм одежды и то, что казаки в Мерве жили по каким-то неписанным законам, как бы автономно, давало им чувство независимости от гарнизона и его начальника генерала Редько, к чему и клонится мой рассказ.

Как я указал выше, генерал Редько был строгий, сухой и требовательный начальник, хотя и не имел внешнего блестящего вида. Он не признавал никаких сентиментальностей, не пил и не курил, был молчалив. Офицеры-туркестанцы говорили, что он не любил и не признавал «курения за столом».

Наши командир полка, полковник Д. А. Мигулов, терский казак, жил замкнуто в своем казенном командирском доме в районе полка. Жил без семьи и на встречу Нового Года не приехал. Главою нашего казачьего стола, вернее «места» общего длинного стола на самом левом (заднем) краю, был его помощник по хозяйственной части, Войсковой Старшина Миронов. Он командовал сотней в 1-м Полтавском полку под Эриванью, потом был штаб-офицером в 1-м Екатеринодарском полку в самом Екатеринодаре и был переведен в наш полк. В своей службе он встречал и видел многих старших начальников и поэтому, как говорили, был «терп» и начальства не боялся.

Выше среднего роста, довольно широкий в плечах и талии, с сединой и лысиной, имевший двух сыновей, офицеров в 4-й Кубанский батарее, тут же в Туркестане, на станции Каахка, что между Мервом и Асхабадом, милую и приятную супругу; был не беден, по чему посещал часто клуб, любил вести, как говорят, «светскую жизнь», почему и был заметен в гарнизоне. Был разговорчив, находчив и смел на слово. Ему тогда было, думаю, чуть свыше 50 лет.

В парадной форме, при орденах, в пышных штаб-офицерских эполетах — он был очень заметен за столом, где было около 150-ти офицеров.

После обильного ужина с напитками, после бокала шампанского под самый Новый Год и восторженных криков «ура», нам подали фрукты, кофе и ликеры. Многие были уже в приятно-повышенном настроении. Ясно, что всем хотелось курить, но все знали, что генерал этого не любит и не разрешит. По бокам его сидели командиры 13-го и 14-го Туркестанского пол-

ков — полковник Ахаров и подполковник Белоногов (или Белоконев — путаю фамилию). Дальше командиры батарей и командир саперного батальона подполковник Тер-Окопов — маленького роста армянин, сам веселый, юркий и любитель веселья. Все эти старшие начальники сидели почтительно возле генерала, а остальные весело перебрасывались фразами; чего-то «ища». Среди них было несколько жен офицеров, очень видных собою. Наших же казачьих дам совершенно не было. Офицеры пьют кофе с ликерами, но становится что-то скучно. К Миронову два раза подходил один из командиров батарей, очень тонкий молодой подполковник и что-то шептал ему на ухо. Миронов хитро улыбается и просит «подождать». Потом мы, молодежь казачья, услышали более громко, что «уже и их дамы просят Миронова спросить разрешения у генерала курить»... Миронов хитро и загадочно улыбается и просит «еще немного подождать». Наконец, выбрав момент, когда наступила та скучная тишина, когда хочется «чего-то», но получить его нельзя, (а в данном случае скучно потому, что «нельзя курить», когда пьешь крепкий кофе с ликером...). Миронов спокойно встал, сделал «непринужденную милую улыбку» на своем своем слегка мясистом лице и «елейным» мягким благодарным тоном (у него был тонкий голос), ясно, с растяжкой, чтобы все слышали и поняли, произнес:

«Ваше Превосходительство и господа офицеры!... Дамы разрешили курить»... Сказал и спокойно сел на свое место, словно только, по обязанности, исполнил поручение дам.

Сразу же за длинным столом пронесся радостный вздох облегчения. Кто-то из штабо-офицеров артиллеристов сразу же поднялся с бокалом в руках и предложил выпить «за наших милых и прелестных дам!» Все закричали громко ура, целовали соседкам ручки и тут же немедленно закурили, задымили все сразу, да так, что над столом образовалось как бы сизое облако.

Я тогда не курил и этот случай меня не волновал, почему я и успел уловить строгий взгляд генерала Редько брошенный им на Миронова, но... что мог сделать генерал, даже начальник гарнизона, когда «сами дамы разрешили курить»(?!). После этого всем стало и весело, и приятно, и вольготно. Такова была находчивость старого офицера, видашего многие виды.

С первых же дней объявления войны 1914 года генерал Редько был вызван в Ставку и получил какое-то назначение в строй. Его полки

Туркестанцев на Кавказском фронте, в особенности под Эрзерумом конца 1915 и начала 1916 года, были в бою блестящи. Мы их там встречали, как своих ближайших кунаков.

Командир 13-го Туркестанского полка Ахаров скоро был произведен в генералы. Много офицеров были награждены орденом св. Георгия. Произведенный в полковники капитан Кирсанов стал командиром батареи. В день взятия Эрзерума 4-го февраля 1916 года он выдвинулся со своей батареей впереди нашего полка. В косматой черной кавказской папахе, с офицерским Георгиевским крестом посреди груди, на обыкновенной солдатской шинели, своим спокойным видом, уверенностью и воинской осанкой — он походил на героев старых времен.

Знаменитый начальник пулеметной команды в Мерве, человек богатырского сложения, с громким голосом, коновод молодежи, штабс-капитан Наибов под Эрзерумом был уже капитан и на груди у него красовался заветный беленький офицерский крестик. Мне так приятно было с ним встретиться и вспомнить старую дружбу в Мерве. Это была только мимолетная встреча нашего 1-го Кавказского полка, наступившего со 2-м Туркестанским корпусом генерала Пржевальского со стороны Ольт (с севера). Все это не может забыться!...

А что же «герой стола», Войсковой Старшина Миронов?

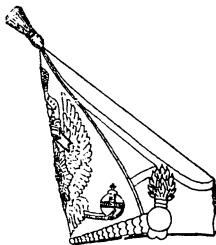
Перед самой войной он выбыл в отставку «по предельному возрасту», получив, как полагалось, следующий чин, то есть — став полковником. В гражданской войне некоторое время был командиром Кубанского учебного конного дивизиона в две сотни казаков и был произведен в генералы. Нужно полагать, что он давно умер. О мертвых не принято плохо отзываться, но установить факты нужно. Кажется в 1925-м году, когда была некоторая болезнь «возвращения на родину», он вернулся на Кубань вместе со своими двумя сыновьями-офицерами, Михаилом и Василем. Они были артиллеристы 4-й Кубанской батареи мирного времени нашей «Отдельной Закаспийской казачьей бригады». Я их отлично знал, провел всю Турецкую кампанию 1914-1917 годов вместе. Отличные были офицеры-специалисты. Старший, Михаил, стал летчиком, а младший, «Вася», как его все называли, был сменным офицером в Кубанском военном училище времен гражданской войны.

Прошло полстолетие с тех пор. «Мы все сойдем под вечны своды», поэтому, пока живы мы, последние мугикане — надо писать только правду, голые факты, картинки былого, из которых историк вынесет «правдивые сказания».

Полковник Елисеев

Картины мирной жизни лейб-гвардии Павловского полка

ИМПЕРАТОРСКИЙ ПРИЗ

В 1909 году был Высочайше утвержден Императорский приз за стрельбу частей. Не знаю, касалось ли это только гвардии или такой же приз имелся и для армейских частей. Но так или иначе, а мы стояли перед решением вопроса: кто возьмет этот приз?

Полки гвардии все стреляли отлично и на смотрах стрельбы выбивали высокие проценты, но в разговорах с офицерами других полков чувствовалась неуверенность, мнение всех склонялось к тому, что приз будет взят одним из гвардейских стрелковых полков. Действовало ли здесь одно название или стрелки действительно лучше стреляли, — сказать трудно, и только состязание должно было решить этот вопрос. Наш полк стрелял отлично, как и все остальные полки гвардии, но ни одна из рот особенно не выделялась — сегодня одна рота стреляет лучше других, а завтра, глядишь другая ее перестреливает. На совещании комиссии сначала решили было состязаться сводным, из лучших стрелков полка, ротам, но это было забраковано, так как могло случиться, что лучшие стрелки одного полка могли обстрелять лучших стрелков другого. Решили отправить роту от каждого полка по выбору командира. Но так как роты полка, как я упомянул, стреляли одинаково, то остановились на том, что если выбивать приз, то лучше пусть выбивает его рота Его Величества.

Подошел день состязания. Рота Его Величества с командиром ее капитаном Фабрициусом и младшими офицерами Никоновым и Олоховым ушла. Туда же отправился на своем «Шантеклере» и командир полка ген. м. Некрасов и командир батальона полковник Якимовский, или, как его звали в полку, «Мимочка». Остальные офицеры, кто составил партию бриджа и ушел играть в бараки, кто в библиотечной комнате, развалившись в креслах, читал, а кто без дела слонялся по собранию и окружающему садику. Время тянулось долго. Но вот где-то на левом фланге вспыхнуло «ура». Не обращая внимания на встречных, карьером несся ординарец, посланный командиром полка сообщить, что полк выбил приз. Проскакивая по передней линейке, он кричал: «мы выбили приз!» Солдаты наши запопили, что было мочи, «ура» и толпами побежали к офицерскому собранию. Туда же бежали, побросав карты, и офицеры. Ординарец у

собрания, соскочив с тяжело дышащего коня, доложил дежурному офицеру: «так что дозвольте доложить, Ваше высокоблагородие, Его превосходительство командир полка приказал доложить Вам, что полк наш выбил приз, и приказал выслать музыкантов».

Ординарцу поднесли стакан водки и пирог на закуску, и он, очень довольный угощением и произведенным им впечатлением, повел своего коня в команду. Общий восторг не поддается описанию. Тотчас же весь лагерь украсился флагами. Толпа солдат перемешавшихся рот с оживленными и веселыми лицами окружила собрание и заполнила все дорожки сада. Дежурный по полку, заглушая шум и говор толпы, закричал: «ребята, наш полк выбил Императорский приз, «ура!» Заорали «ура» и, весело переговариваясь, пошли по палаткам. Офицеры пошли навстречу. Издалека слышная музыка все ближе и ближе. Но вот из-за поворота шоссе, на участке Лейб-Гвардии Финляндского полка, показался верхом на своем «Шантеклере» командир полка, за ним «Мимочка», оркестр и рота триумфаторов. По сторонам стояли кумовья финляндцы, наши павловцы толпами бежали, провожая роту до ее палаток. Часов около 6 вечера Августейший однополчанин и Главнокомандующий Великий Князь Николай Николаевич в форме полка на автомобиле прибыл в расположение полка и, когда были вызваны «все на линию», он собрал полк вокруг своего автомобиля и благодарил за его отличную стрельбу, наполняющую его сердце гордостью носить мундир такого полка и числиться в его списках. Машина тронулась в сплошной толпе солдатской массы, расступавшейся перед машиной и бежавшей за ней с криками «ура». Машина медленно обогнула лагерь и подошла к подъезду офицерского собрания, где Великий Князь еще раз благодарил полк и приказал людям разойтись по палаткам, а сам принял предложенную чару вина, которую пил за полк, и долго еще оставался, беседуя с нами. Вечером спрэздновали начерно, правда, с музыкой и фанфарами, но без излишнего блеска. Банquet было решено устроить в день получения приза.

Нелели через две штаб гвардейского корпуса сообщил, что на следующий день, к 5 часам вечера, надлежит вывести полк к околице Красного Села, что выходит на военное поле, форма одежды — в гимнастерках, без оружия. В указанное время полк был выстроен развернутым

фронтом, с оркестром музыки на правом фланге. В 5 часов к правому флангу из Красного Села подошли 2-3 автомобиля: из переднего вышел Государь и подошел к полку. Сзади него в большом футляре несли приз.

Встреченный обыкновенным церемониалом, Государь медленно обошел фронт полка, потом перешел на середину перед фронтом: «Спасибо, Павловцы, за отличную стрельбу, за вашу службу. Передаю вам приз, вами «выбитый», и с этими словами Государь передал командиру полка вынутую из футляра большую серебряную братину, увенчанную крупными уральскими камнями. «Рады стараться, Ваше Императорское Величество, ура!», загремело в ответ. Подошли автомобили, Государь и свита уехали.

Полк, имея в главе двух ст. унтер-офицеров роты Его Величества, несших братину, пошел через авангардный лагерь к себе. Гвардейские стрелки толпами стояли по обе стороны дороги и главное их внимание было обращено на братину. «Ну, ребята, теперь вас, курносых, в стрелки зачислить надо». — «А что же вы, стрелочки, оплошали. Вот приз теперь наш». — «Ох и напьетесь же вы, братцы, из этой миски!».

«Мы то выпьем, а вы поглядите», так и сипались в этом роде шутки и отщучивания солдат, пока мы не пришли к себе. Иждивением хозяйственной части ротам были выданы пироги, водка, пиво, а герою дня, первой роте, особенное угождение. До вечерней зори пели песни, плясали под гармошку, скрипки и бубны — незатейливую солдатскую музыку. В собрании все было готово. Хозяин собрания, шт. капитан А. А. Сурнин, успел из полкового музея привезти полковое серебро, хрусталь. Столы богато сервированы: серебро, хрусталь, кубки, братины — все блестало и сверкало. Отдельные столы с холодными и горячими закусками, с батареями водки, коньяка и старки. В закрытой столовой закусывали, а на открытых верандах расставлены были столы. И чего только там не было: дичь, рыба, зелень, фрукты и конфеты. Вина — хоть купайся в нем. В разгар веселья, разговора, смеха и музыки вдруг ворвались совершенно несоответствующие звуки: кто-то громко навзрыд плакал, что-то хрюстало и звенело. Я обернулся и обомлел: невиданная до сих пор картина была перед нами: командир 1-го батальона Мимочка Якимовский горько плакал; обливаясь слезами, шел по столу, давя сапогами рюмки, стаканы, опрокидывая бутылки с вином, вазы с фруктами и цветами. С обоих сторон его вели за руки, чтобы не свалился, а он шел, все давил, опрокидывал и рыдал. Дойдя до конца стола, он повернулся обратно, чтобы прогуляться еще разок, но его стащили и отправили в барак спать. «Ну, Мимочка заплачет завтра еще горше, когда ему Сурнин поднесет

Первый Александр Петрович Ред'кин.

счет за произведенные им протори и убытки». Этот Мимочка был большим оригиналом. Высокий, толстый на тонких ногах, с лицом Фальстафа, любил выкинуть, когда подопьет, что-нибудь из ряда вон выходящее, как было в данном случае. Его сестра была замужем за адмиралом Макаровым. После гибели адмирала на «Петропавловске» Якимовский пригласил в собрание одного из своих приятелей — морского офицера, который, сделав доклад, познакомил офицеров с личностью погибшего адмирала. Он после доклада он и сам почти погиб в море вина.

Долго еще веселились в собрании. Не раз жалованная братина, вмещавшая ведро вина, опоражнивалась и вновь наполнялась вином. Только при первых лучах солнца последние гуляки разошлись по баракам.

Занятия были отменены на целый день. Мимочек пришлось почесать затылок: счет, предъявленный ему Сурнином, заключался в изрядной сумме.

А. Ред'кин

ВЕЛИКИЙ КНЯЗЬ СЕРГЕЙ МИХАЙЛОВИЧ

(По личным воспоминаниям)

Сидят рядышком два командира конных батарей, оба, в достаточной степени, устаревшие. Адъютант Дивизиона приносит телеграмму: «Буду на очередных стрельбах. Сергей».

— Лучше смерть неожиданная!!! — патетически произнес один из командиров.

И действительно. Подобно тому, как в свое время, Великий Князь Николай Николаевич, грозовой тучей, пронесясь над старыми командирами кавалерийских полков и эскадронов, так и Великий Князь Сергей Михайлович искоренял в артиллерии рутину и освобождал ее от элемента, не могшего воспринять новых веяний и разумных требований Генерал-Инспектора.

Я надел офицерские погоны в конце XIX века, но уже тогда, когда введенная должность командиров Дивизионов содействовала сравнительному омоложению состава командиров батарей; но все еще многим из них оказались не по плечу новшества, связанные с перевооружением скорострельной пушкой и гаубицей.

Вспоминается острота А. П. Ермолова, что «аттестация офицеров зависит от скотов». Раньше так и было. Командир батареи мог не уметь толково вести стрельбу, но, если лошади были в порядке, его терпели и даже выдвигали. В пешей артиллерию лошадок было немного, во внутренних округах запряжено было по четыре орудия в батарее, а в резервных бригадах только по два, но тут, на помощь таким командирам батарей приходило цейхгаузное богатство. Солдата одевали в изношенное обмундирование, чтобы накоплять в цейхгаузе обмундирование, сверх положенных двух сроков. Наш военный юморист, сотрудник военных журналов, Егор Егоров, рассказывая о борьбе с мухами, предписанной санитарным ведомством, глубокомысленно замечал: «Неизвестно еще, кто кому вреднее, муха — солдату или солдат в пятырочном обмундировании — мухе». Таким образом, внимание командира батареи было всецело поглощено хозяйственными заботами и канцелярией.

В Конной артиллерии дело было поставлено не лучше, но тут весь упор был на сбережении коней. Правда, существовало все же увлечение лихими конно-артиллерийскими учениями но, на — короткое, до первого поту лошадей. По этому поводу, мне припомнился рассказ командира 15 Конной батареи полковника М. На маневрах ему был поручен отряд: три эскадрона Лубенских, тогда еще, драгун и 4 орудия его батареи. Отряд совершил переход, идя все вре-

мя шагом. Бессарабская жара сморила всадников, они засыпали на ходу. Штаб-офицер Лубенского полка попросил разрешения полковника М. пройти немного рысью. «Я еду и думаю — как бы придумать аллюр меньше шага, а он хочет скакать!» Был ответ популярного в полу-ку своей оригинальностью полковника М.

В Конной артиллерии, в стрельбе, существовала картечная тенденция — не анекдот, а быль, что командир 10 Конной батареи полковник К., во время боевой стрельбы, после недолетной очереди скомандовал «в передки» и подскакал с батареей ближе к мишениям. Начальник артиллерии корпуса только пожал плечами. Кто помнит еще тактические учения кавалерийских дивизий, когда вызов конной артиллерии на позицию сопровождался целым концертным отделением. Мелодичный сигнал «Фейерверкеры занять позицию» (не буду удлинять рассказа пояснением почему «фейерверкеры») играл трубач Начальника дивизии. Первая половину сигнала «карьер»

«Вперед, друзья, и на картечь
«Поводья подтяни...»

трубач старшего артиллерийского начальника, а вторую половину сигнала подхватывали трубачи на батареях

«Кому придется в поле лечь,
»Того Бог помяни»...

После чего батареи стремительно неслись, проходя в интервалы между эскадронами.

Какое уныние постигло всех, когда стали учить занимать закрытые позиции.

«А теперь что вижу я?
«Все ученым подражают
«И позицию в поводу
«Весьма скрытно занимают»...

Мой командир Дивизиона, по прежней оценке блестящий командир Конной батареи, с отвращением глядел на поругание святая святых конной артиллерии — выезд на газию и сорвал свое настроение на телефонистах, коим не удавалось правильно передавать команды:

— Убрать эту фотографию (?) к черту.. Командовать голосом!

Не сочувствовали новшествам и кавалерийские начальники, которые находили, что все эти угломеры созданы для затмнения и в боев-

Великий Князь Сергей Михайлович, в
форме Гвардейской Конной Артиллерии,
существовавшей до 1908 года.

вой обстановке, конная артиллерия не раз от этого страдала.

Я отвлекся в сторону, чтобы показать, с какими затруднениями Великому Князю пришлось встретиться, но его энергия превозмогла все.

Омоложенный уже Великим Князем командный состав артиллерии пошел навстречу его требованиям. Нужно сказать, что Великий Князь никогда не карал за ошибки, но его приводило в большое раздражение желание «втрутить ему очки». На смотровой стрельбе 13 Конной батареи, я, тогда командир этой батареи, сделал досадную ошибку, вследствии которой выпустил очередь снарядов в воздух. На докладе я чистосердечно признался в этом. Великий Князь сказал: «Ошибка может каждый, но меня постоянно стараются уверить, что они «так и хотели», и поблагодарил меня за стрельбу. Начальник артиллерийского сбора генерал граф Баранцев съиронизировал: «Везет Левиц-

кому — хорошо стреляет — хорошо, плохо стреляет — тоже хорошо».

На том же полигоне в Рембертове, под Варшавой, происходила стрельба дивизиона Н-й артиллерийской бригады. Стрельба эта принесла большое огорчение Великому Князю, и разразились гром и молния. С самого начала Великий Князь понял, что «оркестр срепетован заранее»: состоялся сговор командира стрелявшего дивизиона с мишленным комитетом, и Великий Князь стал хмуриться, подозревал к себе своего адъютанта Войно-Панченко и что-то ему сказал. Тот верхом куда-то скрылся.

Дело в том, что, чтобы сделать иллюзию атаки кавалерии, мишени ставились на тележки, к ним прикреплялись тросы, кои системой блоков отводились к особо назначенным передкам в тылу позиций батарей. Когда трогаются передки с нацепленными тросами, начинается движение мишеней. Войно-Панченко приказал отцепить тросы от передков и скомандовал пе-

редкам — «шагом марш». На репетиции было, видимо, решено, что по движущейся цели будет стрелять средняя батарея, командир которой выставил наблюдение за такими передками. Наблюдатель доложил, что «передки двинулись», командир батареи подал команду батарее «стой» и, желая щеголнуть быстротой переноса огня, тут-же скомандовал: «по атакующей кавалерии, прицел такой-то»... Получился полный конфуз, так как мишени перед батареей не появились. Не желал бы я быть на месте этих командиров батареи, дивизона и бригады. Последний, в этот день, закончил свою службу.

Вообще же говоря, в обращении с подчиненными Великий Князь был чрезвычайно прост и любезен и понимал шутку. В этот же, злосчастный для Н-й бригады, день, по просьбе начальника сбора, я дал под Великого Князя своего подъездка, спокойного, крупного англо-донца и от 13 Конной батареи назначены были ординарцы и вестовые. В Конной артиллерии народ был отборный и выбрать было из кого. Еще до начала стрельбы, Великий Князь, находясь в благодушном настроении, спросил меня: «Все ли в вашей батарее такие красавцы?» Я ответил: «Так точно все, кроме командира батареи». Великий Князь расхохотался.

Идя вглубь времен, вспоминаю что в 1896 году создано было Объединение Конной артиллерии. В ресторане Собрания Армии и Флота, еще на Кирочной улице, устраивались ежемесячные обеды — встречи, и вот, на первую встречу, явился Великий Князь с офицерами и трубачами, называю по тогдашнему, гвардейской Конно-Артиллерийской бригады. В 1906 году, Великий Князь также изъявил желание посетить одну из наших «встреч», которая потому

была особенно многолюдна. Присутствие Великого Князя и его приветливость украсили эту нашу «юбилейную» встречу.

Во время больших маневров Петербургского военного округа, в 1908 году, в последний их день, Великий Князь ездил в Свите Государя. Увидев меня, бывшего в тот день ординарцем при Великом Князе Николае Николаевиче, от Кавалерийской Школы, он подъехал ко мне, и тут состоялась простая беседа, для которой совсем неуместно было бы выражение «снабговолил обратить свое благосклонное внимание». Я поразился его «романовской» памяти относительно командного состава, в данном случае, конной артиллерии. Он не только называл фамилии, но помнил и особенности названных лиц.

Между тем Великого Князя многие панически боялись. На представлении приехавших в Артиллерийскую Школу, для прохождения курса, один капитан, рапортую, назвавши бригаду и свой чин и разволнившись, забыл свою фамилию. Великий Князь улыбнулся и обратился к соседу: «Напомните ему...».

Большим достоинством Великого Князя было умение его подобрать себе сотрудников. В той же Артиллерийской Школе блистали имена таких руководителей, как Ханжин, Гобято, Шихлинский и многие другие.

Мы, конно-артиллеристы, были обязаны Великому Князю его заступничеством всегда, когда нам грозила беда. Доклад Великого Князя Государю восстановил истину, которую хотели извратить лукавые слуги Царя, и благодарная память о Великом Князе, Царственном конно-артиллеристе, осталась в наших сердцах навсегда.

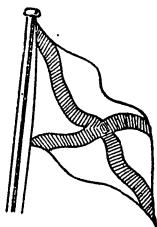
А. Левицкий

Шангтунгский бой 28 июля 1904 г.

(по наблюдениям с палубы эскадр. миноносца «Беспощадный»)

Автор, кап. 1 р. Иениш, бывший Минный офицер эскадр. бронен. «Петропавловск», спасшийся во время его гибели, был, после некоторого времени службы в крепости, назначен Отрядным минным офицером на 1-й Отряд эскадр. миноносцев.

Положение строевого офицера на миноносце в те времена, когда ни подводных лодок, ни аэропланов не было: раз служба на миноносце хорошо надрана, рулевые и сигнальщики опытны — голова этого офицера ничем непосредственно не занята, глаза тоже, и рука может прогуливать бинокль по всем румбам, подмечая многое, что ускользает от офицера на большом корабле, прикованного к определенному месту, с отсутствием, порой, всякой видимости для находящегося в недрах его корпуса. Правда, горизонт его низок, но какой интерес, в конце концов, представляет то, что остается за пределами отражения призмы его Цейса; дальше его видимости все равно не стрельнут. А он не историограф.

Вот в такой то позиции мне и довелось запечатлеть картину, поразившую меня более, чем даже гибель «Петропавловска», и, вдобавок, картину, возвышающую душу до восторга.

«Пойду таранить «Миказу» — мечтательное выражение, вырывавшееся не однажды из уст Щенсновича (капитана «Ща», как его называли), командира «Ретвизана», еще прикованного починкой минной пробоины к бассейну, — выражение, над которым, натурально, дружески подсмеивались, — нашло свое воплощение в заключительном акте курьезного боя 28 июля.

Передаю ряд непосредственных впечатлений и переживаний, зафиксированных по свежей памяти в моих заметках тотчас по приходе после боя в Цинтао.

На завтра — поход во Владивосток, — никто в этом не сомневался, видя необычные приготовления на кораблях; но, конечно, и бой. Тем лучше! Это упорное сидение кораблей в течение почти двух месяцев в порту и, в последние дни, уже под частичным обстрелом невидимой осадной батареи противника, делалось невыносимым. Нелепость положения бросалась в глаза. Хотели что ли повторить Севастополь?

Картина отрядов матросов, отправляющихся на сухопутный фронт, заставляет делать такое

предположение. Однако, это влечет уничтожение эскадры. В крепости — единственная надежда на Куропаткина. Но сколько времени понадобится ему, чтобы собрать силы, разбить японцев и подойти к Кинжоу, обеспечив себя с флангов и тыла? И не было сомнения, что он найдет на Кинжоу позиции, укрепленные японцами не по-нашему.

Приход на восток 2-ой эскадры единственно мог спасти положение. Но мы не сомневались, что одна она, поневоле недостаточно подготовленная, не обстрелянная, с кораблями, уставшими от долгого похода, будет не в состоянии завладеть морем. Нужна будет помочь судов нашей эскадры — или того, что от нее останется после боя с японцами, с их кадром, все же уже кое-чему научившихся офицеров и команды.

Надо будет драться, и драться на совесть. Уцелевшие корабли могли расчитывать достичь Владивостока. Нельзя было надеяться, что Того с судами, значительно превосходящими наши скоростью и отлично маневрирующими, оставит нас спокойно пройти.

Утро выхода радостно: безоблачное небо, спокойное море, легчайшая мгла раннего утреннего низкого туманчика. Суда на этот раз вытягиваются на внешний рейд неожиданно быстро. Около 8 часов утра эскадра уже тянется черепашьим кильватером за тралами вдоль Тигрового полуострова.

Сигнал адмирала: «Государь Император приказал идти во Владивосток».

«Ура» на кораблях. Весело на сердце. Кое-где на горизонте точки неприятельских миноносцев.

За батареей Белого Волка эскадра покидает тралы и ложится на ОГО. Мы, миноносцы, с «Новиком» во главе, занимаем место на левом траверзе первых двух кораблей и близко к ним. Ход для миноносцев малый — скользим неошутимо. Вскоре головной «Цесаревич» начинает вилять на курсе — повидимому неисправность рулевого прибора, — поднимает «не могу управ-

ляться», но довольно быстро спускает, выравнивается, но вдруг стопорит — что-то в машине. Только что управился и корабли увеличили ход, — «Пересвет» выходит из строя. Вот к чому ведет долгое стояние в гавани!

Но денек на славу, дышать легко. Воздух тепел, тепло море и оно близко — ни малейшей опаски оказаться в воде, не то, что на «Петропавловске». Успели пообедать. Интервалы эскадры начинают выпрямляться. В это время на 45° по носу слева показываются верхи кильватера японских броненосных кораблей, идущих на пересечку нашего курса. Мы переходим на правый траверз эскадры, а «Новик» присоединяется к крейсерам. На 45° справа по курсу видны надстройки линии броненосного и трех легких вражеских крейсеров («собачек»). Хочет ли Того охватить голову? Во всяком случае наши открывают огонь первыми — тоже радостно. Я часто посматриваю на «Ретвизана». В его собранном силуэте таится большая энергия, чем в калошистой и высокой массе «Цесаревича» и тяжелых стальных скринах «Победы» и «Пересвета». «Севастополь» нажимает, как может, но «Полтава» начинает уже отставать; однако силуэты последних двух тоже вызывают доверие. Вспоминаю, что «Цесаревич» со дня постройки ни одной, даже учебной, стрельбы не произвел, если не считать бесполковый пятиминутный огонь артиллерии, открытый ночью после подрыва корабля. Жалею, что «Баян», так хорошо приготовленный Виреном к бою, не с нами.* Силуэты «Дианы» и «Паллады» — какие-то крупные щиты для стрельбы: слишком мало огня для их площади. Опереточный «Аскольд» со своими пятью трубами... Какой калейдоскоп!..

Наш огонь редок, падения наших снарядов не видны, но вдруг замечаю что-то неладное на «Миказе», который слегка вильнул и обнаружил притом мачту, словно выбиравшуюся. Но он слишком далек, чтобы разобрать в чем дело. Японцы пока не отвечают. Наша эскадра склоняется на OSO. Тут Того двумя последовательными поворотами «все вдруг» на 4 румба влево и на 4 румба вправо увеличивает еще расстояние между нами. Почему? Не хочет рисковать, даже уже охватив голову? Непонятно...

Еще минут 10-15, и он снова двумя последовательными поворотами «все вдруг» на 8 румбов приходит на контра-курс, имея головным бр. крейсер «Нисин», большим ходом идет нам на пересечку, на этот раз справа, и открывает огонь.

Что это за танец над нашей головой? Но это

«exciting!». С одной стороны невольное восхищение строгими и четкими эволюциями Того, с другой стороны хочется крикнуть нашим, схватить руками наши стальные коробки и привести их в строй 45-градусного фронта, чтобы использовать полностью мощность огня наших башен. Увы! Я сознаю, что неспособны они покинуть наш милый родной кильватер.

В течение танца Того мы, миноносцы, перекинулись на левый траверз эскадры. Неожиданно замечены «Цесаревичем» близко впереди на воде какие-то предметы (на нем взвился условный флаг «вижу подозрительные предметы»). Очевидно, опасаясь возможности брошенных японскими миноносцами плавающих мин, эскадра, избегая их, уклоняется сначала сильно но вправо, затем опять приходит на старый курс. Мы, миноносцы, устремляемся на распознавания, стопорим с разгона машины, чтобы не намотать чего на винты и проскальзываем среди деревянных обломков джонки с ее парусами и запутанным такелажем в воде. Того тем временем, идя большим ходом, оказался идущим на удаление влево. Но перестрелка, довольно вялая, все идет.

Неожиданное «интермеццо»: по правой передней крамболе открывается караван из примерно десятка больших китайских джонок с их живописными парусами, идущих на контр-курс с нами, значительно ближе к нам, чем к японцам. При приближении к зоне боя на джонках видна невероятная суматоха: кто спускает паруса, кто пытается лечь в дрейф, китайцы меются во все стороны, иные падают в воду или прячутся за фальш-бортом. И вдруг — полное спокойствие: усаживаются на корточки, закуривают трубки и фаталистически следят за пролетающими высоко над головой снарядами. Вскоре джонки выскользывают из зоны огня и суматоха на них начинается. Но я уже перевел мой Цейс на японцев, ибо Того еще раз двумя поворотами «все вдруг» на 16 румбов приходит на контр-курс, имея теперь головным «Миказу», и опять режет нам голову — танец продолжается. «Цесаревич» вновь замечает что-то впереди примерно на 120° влево, уменьшив к тому же сильно ход, что вызывает невероятный беспорядок в нашей линии и значительное замедление огня — ясно — наши корабли мешают друг другу видеть японцев. А те все также красиво держат интервалы. Наконец наши выпрямились на новом курсе OSO, который они уже не покинут до захода солнца. Японцы, сблизившись в момент поворота «Цесаревича» до 50-ти кабельтовых, быстро удаляются, и перестрелка кончена.

Громадные черно-желтые столбы разрывов японских снарядов должны были сильно облегчать наводку. Между тем наши суда, видимо, ничуть не пострадали. Невозможно было ви-

*). «Баян» был вынужден остаться в доке, получив незадолго до этого незначительную минную пробоину от плавающей мины.

деть попадания наших пироксилиновых снарядов, ни их падения в воду. Имея ударную трубку с замедлителем, они не взрывались при со-прикосновении к воде, как японские. А всплески, несмотря на мой 10-кратный Цейс, не были видны за дальностью.

Однако, в последние 5-10 минут перед исчезновением японцев за горизонтом и справа от нас, в моем сознании возникло опасение, что Того, пользуясь скоростью, произведет охват хвоста, которого легко избегнут крейсера, выйдя слева от эскадры, но могущий поставить «Полтаву» и «Севастополь», особенно первую, сильно отставшую, в критическое положение. Чем могут помочь им другие броненосцы при их неспособности маневрирования?

К удивлению, Того ничего не предпринимает. Следует, правда, слабая атака хвоста крейсерами японцев, все следующих за нами, из которых головной — броненосный — открывает огонь на предельной дистанции, сильно повреждает трубы «Аскольда», но не настаивает, отогнанный огнем «Полтавы», сильно насыщенной на «Аскольд». Наши крейсера не отвечают, как пришпоренные увеличивают ход и быстро приходят на левый траверз броненосцев на 10 кабельтовых от них. Слева на горизонте видны два крупных японских судна старого типа, которые мне не удается опознать. Они остаются, равно как и несколько точек миноносцев, сопровождавшими наш путь.

Солнце так же ярко. По морю начинает гулить легкий бриз. «Цесаревич» пытается несколько раз увеличить ход, но эскадра каждый раз все более и более растягивается. «Полтава» все более и более отстает, — она уже более чем в милю от своего переднего мателота.

Мы — миноносцы — безмятежно следуем, то увеличивая, то уменьшая по временам ход, дабы избежать сильных вибраций корпуса при критической скорости, которая для нас — скорость эскадры. Это нас развлекает.

Но куда девался Того? Расчитывает ли он перегнать нас за горизонтом вне нашей видимости и очутиться впереди нас до наступления сумерок? Подсчитываю. Пожалуй не успеет, несмотря на громадное преимущество скорости. Или, быть может, отказался от боя и следует за горизонтом к Корейскому проливу, представляя своим миноносцам атаковать нас ночью? Команда тоже заинтересована. Боцман Кадушкин и минный квартирмейстер Ефимов особенно льнут. Я люблю с ними болтать: отличные матросы и умные парни; всегда чувствую внутреннюю связь с ними. От чего делать проверяю с последним минные аппараты, обхожу комендолов у орудий, даю им советы на ночь, проверяю секстант — может ночью понадобиться, если отделимся от остальных (и понадобился). Миниатюрный инженер-механик

Кузнецов появляется по временам из машины проветриться и, обливаясь потом, губки бантиком, протирает свое пенсне, щурясь под отблесками моря. Херувим, свеже-испеченный мичман Вова Берг дрыхнет в каюте. Так проходят часа два безмятежного жития.

Но вот тайна рассеивается. Появляются один за другим на 3-4 румба сзади и справа броненосцы Того, идущие, как будто, паралельным нам курсом. Безупречные интервалы. Наши подравниваются, благодаря уменьшению хода «Цесаревича», но «Полтава» все одиноко бредет позади. Японцы нажимают курсы слегка на сближение. Видно, как башни наших следят за ними. Сигнал адмирала насчет закрытия ночью огней и прожекторов, за ним другой — о концентрировании огня на головных судах неприятеля. «Рука Кетлинского» — мелькает в голове.**) Предчувствую, что на этот раз бой будет серьезным — расстояние между линиями малое. Внимание напряжено. Нетерпеливо ожидаю, что сделает враг. Скорость хода, быстрота маневра: охват хвоста, уничтожение «Полтавы», «Севастополя», «Паллады», «Дианы»; наша голова пытающаяся в беспомощном беспорядке прийти на помощь — кошмарное видение. Быстро рассеивается. Теперь, как и в один момент предыдущей перестрелки, схватывающее желание повернуть наши корабли 45-градусным фронтом вправо и сконцентрировать огонь их башен на голове линии Того. И опять сознание неспособности выполнения этого нашими. И они, конечно, ничего не делают. Но и японцы даже не пытаются что-либо предпринять. Во всяком случае они фактически не ведут бой, пользуясь резкими преимуществами хода и маневрирования, а довольствуются самым примитивным способом — линейным сопровождением с перестрелкой. Для нашей задачи прорыва это шанс, о котором трудно было и мечтать.

Все это мелькает без всякой логики в голове: то желание стравить эскадры, то наша цель прорыва во Владивосток. Первое преобладает, как следствие раздраживания, вызванного видом скользящих по глади моря противников.

Вдруг вызывающий залп «Полтавы». Она открыла сражение на расстоянии каких-нибудь 40-ка кабельтовых от «Миказы». И тотчас с двух сторон как бы трель огня проносится по линиям кораблей. Ветер упал, начался дождь снарядов. Частота его с двух сторон увеличивается, далеко превосходя частоту предыдущей перестрелки. Но пока что японские снаря-

***) Лейтенант Кетлинский — флагманский артиллерист штаба адмирала Витгефта, бывший до того ст. армл. оф. «Ретвизана», один из горячих и образованных артиллерийских офицеров новой школы, основанной моим покойным отцом.

ды дают перелеты, и темные гейзеры с металлическим треском разрывов взлетают из воды вокруг миноносцев, рассыпая по воздуху пронзительно свистящие осколки, проносящиеся над нашими головами; только редкие, и то ничтожные, падают на палубу. Иные снаряды ricochetируют и с икающим звуком несутся дальше, что вызывает, двумя последовательными поворотами «все вдруг» наших крейсеров, обнаруживших неожиданную способность маневрирования, быстрое увеличение расстояния от линии броненосцев до 20-ти кабельтовых. Порой падения группированы. Мы лавирем, как придется, между ними. Палуба то тут, то там спринцует водой обрушающимися фонтанов разрывов.

Смотрю больше на «Полтаву». Она, уже отставшая на $1\frac{1}{2}$ мили и дающая не более 10-ти узлов, может быть легко отрезана. Видно, что она испытывает главный действительный огонь. Вода вокруг нее полна столбов разрывов, видны крупные черные пятна попаданий в броню. Тот же броненосный крейсер отряда «собачек» стреляя, казалось, чуть ли не вплотную, нажал на нее сзади, но свернулся и пошел к главным силам. Вскоре у них выявился еще один броненосный крейсер того же типа. Итого 4 броненосца и 4 броненосных крейсера. «Полтава» все посыпает огонь: видно серьезных повреждений нет. «Севастополь» тоже начинает отставать и виляет на курсе. Он тоже сильно обстрелен, но держится молодцом.

Сильный голод мешает наблюдению. Вытаскиваю из кармана краюху хлеба и коробку сардинок, быстро вскрываю, напичкиваю рот до отказа; масло обмазывает подбородок и течет на китель; отираю руки о полы; глажу хлеб. Жадно смотрю, не отрываясь.

Быстро обозначилось сосредоточение падений «Пересвета» и «Цесаревича» (адмиральных судов). «Миказа» уже почти нагнал наш головной, мы на его траверзе. Иные недолеты ricochetируют, вззвизгивают и переносятся, кувыркаясь с басистым уханьем, через массы судов. Вода вокруг них кипит от разрывов и темных столбов воды, вздымающихся порой выше мачт. Ясно видны попадания. Самое разительное — это постепенное разворачивание и дырявливание труб и фальшбортов. Разрывы серых экранов железа ясно проектируются на светлом небе с низкой точки наблюдения миноносца. «Пересвет» особенно выставляет на показ свои декоративные ранения — они неисчислимые. Постепенно он теряет заднюю и переднюю стеньги. Передняя башня не вращается. На «Ретвизане» тоже задняя башня стопорится.

Но и у японцев не все башни работали. Было ясно, что, хотя и без внешнего эффекта, наши снаряды делали свое дело и коменданды не

нервничали. Японская линия приближается до, примерно, 25-ти кабельтовых и становится параллельной нашей. Единственная существенная разница между противниками — это четкость собранного строя с равными интервалами у японцев и невероятная растянутость и беспорядочные интервалы у нас. «Севастополь» продолжает странно вилять, что заставляет меня предположить, что командир его, Эссен, делает это умышленно с целью затруднить пристрелку японцев.

Но интерес к бою немного ослабевает. Мы явно, упрямо гнем во Владивосток, а японцы нас сопровождают. Это может продолжаться до ночи, если хватит снарядов. Солнце уже склонилось низко. По горизонту поднимается легкая вуаль все удлиняющихся облаков.

Неожиданно огромный черный столб разрыва на переднем мостике «Цесаревича» заслоняет на время четкий до того контур надстроек и мачты. Едва он рассеялся, второй, более расплюснутый, но столь же зловещий и тоже на мостике чуть пониже, и адмиральный корабль катится быстро под креном, описывая циркуляцию влево. Еще 3-4 более легких разрыва на его борту. Крен кажется значительно увеличивающимся по мере его поворота в нашу сторону, до того, что явно обнаруживается незащищенная броней подводная часть, обращенная к неприятелю.

Большинству из нас, минных офицеров, было известно, что при получении «Цесаревичем» минной пробоины в ночь начала войны обмотка якорей моторов рулевого электрического привода была подмочена морской водой, наполнившей кормовой отсек, где он был помещен. Хотя якоря затем хорошо высушили, но опасность внутреннего бокового сообщения в обмотке при некотором напряжении пока оставалась. Следовало перемотать и проверить всю обмотку судовыми средствами, что кое-кто из нас настойчиво советовал (и наиболее горячо талантливый минер-мичман Власьев, но он был только «мичман», да к тому же не связанный непосредственно с кораблем).

По беспечности — ибо как иначе можно назвать атмосферу, царившую среди всего ответственного строевого состава специалистов, заключавшего умных и образованных лиц, заряженных и младших, — этого не удосужились сделать во время починки пробоины, а потом было поздно, — нужда в броненосце была слишком большая.

Эта беспечность сыграла свою роль в походе и в бою, особенно после рокового попадания, когда штурвал боевой рубки был слишком быстро переложен на крайнее положение, что вызвало заклинивание румпеля на борту.

Исправлено это было только в Цинтао при

капитальном ремонте броненосца специальными фирмами и не без участия немцев.

Японцы учащают огонь. «Миказа» открылся нам, но точас закрывается «Ретвизаном», поворачивающим за адмиралом и попадающим теперь во всю. «Цесаревич» все продолжает катиться на перерез нашей линии, главная часть которой теряет свой строй: корабли стараются избежать столкновения с «Цесаревичем». Последний раз, что я вижу темную массу «Пересвета» на розовом фоне затуманенного света, это когда на его искалеченном силуэте спускается с мостика до воды сигнал адмирала Ухтомского «следовать за мною». Это показалось чем-то нелепым, ибо кто, кроме близко находящихся миноносцев, мог разобрать этот сигнал, а наша эскадра представляла невообразимую кучу. И мы с «Бесстрашным» последовали слева и справа за «Ретвизаном».

Японцы переносят огонь на «Ретвизана». Он быстро оказывается в кольце падения снарядов. Громадные столбы разрывов все более и более льнут к нему, вода кипит вокруг. Несколько попаданий — повидимому в броню, но вскоре уже невозможно их отличить в вихре пен и дыма. Внезапно он меняет курс, склоняясь быстро вправо на сближение с японцами, видимо доходит, судя по бурну у форштевня, до максимальной скорости и продолжает идти на головной корабль неприятеля. Огонь японцев доходит до бешенства. Временами «Ретвизан», весь с мачтами, исчезает в гигантском куполе столбов воды, дыма и взлетающей пены. Каждый раз кажется, что на этот раз — кончено. Но несколько мгновений — и броненосец выходит из падающей сзади массы этого купола и также упорно продолжает свой исступленный бег, все также держа курс на головного вражеской линии. Все также ровны и резки залпы его башен. Его низкая, но соструненная масса с тремя трубами ясно рисуется на фоне фиолетового горизонта; в ней не видно тех трагического вида разрушений, как на «Цесаревиче» и «Пересвете» — чуть нарушенна четкость линий труб. Ясно вижу, что на «Миказе» задняя башня не действует и средняя артиллерия работает только частично. В моей памяти блеснули слова Щенсновича: «Пойду таранить Миказу», и глаза мои приковываются к «Ретвизану».

Солнце уже скрылось в туче горизонта; японская эскадра уже почти в полумгле; огни выстрелов более четки; среди залпов башен перебегает огонь средней артиллерии. Что-то фантастическое во всей этой жуткой картине, сердце захватывает в напряженном ожидании момента, когда «Ретвизан» исчезнет под обрушившимся куполом. Расстояние между ним и головою японцев падает до 15-ти кабельтовых. Он один близко-близко перед всей вражеской

линией. Вот «Миказа» поднимает какой-то длинный сигнал, который быстро падает, и начинает уклоняться вправо на удаление, увлекая за собою заднего мателота. Вдруг «Ретвизан» описывает крутую циркуляцию влево и идет в нашем направлении на соединение с бесформенной отдаленой группой наших судов.

Еще несколько мгновений огня с обоих сторон — и сражение кончено. Море совершенно спокойно; едва ощущаемая зыбь бежит по его розовой поверхности. Солнце зашло, небо быстро заволакивается. Отдаленные массы наших кораблей, раскинуты к северу до чуть заметной уже «Полтавы». И со всех румбов отремяющиеся к ним точки кольца бесчисленных неприятельских миноносцев.

Что же произошло? Почему «Ретвизан» прекратил свой бег и повернулся?

Накануне, в порту, он получив подводную пробоину в носовую часть от разорвавшегося в воде близко к корпусу снаряда японской осадной батареи. Щенснович был в то же время ранен осколком в голову. Рана, казалось, не опасная, но мучительная (был затронут важный нерв)*). Несмотря на нее, командир целую ночь не отыкался и, конечно, не спал, лично заботясь об укреплении подведенного пластиря, что, однако, не удалось сделать до выхода эскадры**). А он не хотел ни за что оставаться. «Ретвизан» пошел в поход, имея 500 тонн воды в носовом и почти столько же в компенсационных отсеках. Броненосец осел, но был на ровном киле. Рана продолжала тревожить командинира во время похода, вызывая к тому же сильнейшую мигрень, что не мешало ему ни на минуту покидать мостики или боевую рубку и лично вести корабль. Однако, напряжение нервов все усиливалось. В конце линейного боя «Ретвизан» получил еще подводную пробоину на носу. Он имеет теперь легкий крен на нос. Щенснович считает, что он не сможет дойти в таком виде до Владивостока. Нервы еще натягиваются. Картина выхода из строя его покалеченного переднего мателота доводит это на-

*) Щенснович, однако, умер (уже адмиралом) потом, по приезде в Россию, от последствий этой раны, осложнившей его состояние во время воспаления легких, схваченного в разгар ведомых, с присущей этому замечательному и всесторонним техническим знанием офицеру энергией, опытом и тренировки на построенных подводных лодках и эскадренных миноносцах с двигателями внутреннего сгорания.

**) Я лично, как и многие другие офицеры миноносцев, видел Щенсновича вечером, ночью и утром на баке «Ретвизана» с обмотанной повязками головой, распоряжавшегося работами. Железной воли, требовательной к подчиненным, но еще более требовательной к себе, отличный к тому же товарищ, он нас этим не удивил.

пряжене до крайности. Оказавшись головным, он, ни минуты не заботясь об адмирале Ухтомском, решает идти и таранить первый попавшийся ему на пути вражеский броненосец. Он не думает, следуют ли за ним остальные корабли. Одна обострившаяся страсть «атаковать» овладевает им. И он совершаet безумный, но единственно боевой в этом вялом подобии сражения маневр.

По какой-то фантастически-невероятной случайности «Ретвизан» за весь период этого маневра не получает ни одного прямого попадания. Но когда он сблизился до 15-ти кабельтовых, горячий осколок снаряда проник через щель наблюдательного разреза в боевую рубку и контузил Щенсновича в живот. Контузия сама по себе ничтожна. Но бессонная ночь, тревожащая рана в голову, все накапливающееся напряжение нервов и всего организма сделали то, что этот жгучий удар вызвал внезапную реакцию. Щенснович чувствует, что силы его покидают, опускается на сидение, произносит: «Вызовите страшного офицера» — остается в полусознании. Между тем последний с начала второй фазы боя мечется внутри корабля, распоряжаясь тушиением возникающих пожаров, уборкой убитых и раненых, временным закрытием пробоин и т. д. Ему некогда даже бросить взгляд наружу, или он встречает перед собою завесу воды и дыма. Он ничего не знает из того, что происходит вне замкнутого внутреннего пространства. Он проникает на зов снизу в рубку по бронированной трубе и ошеломлен представившейся картиной: командир без сознания, корабль один перед расстреливающей его с близкой дистанции всей эскадрой неприятеля; наши суда рассеяны где-то далеко позади и на курсах удаления от него. Но в состоянии отдать себе отчет, что все это значит, он делает единственно разумный в его положении маневр: поворачивает и идет на соединение со своими *).

ИГРА В ПРЯТКИ

После Шантунгского боя.

Бой кончен. Формально — мы разбиты. Но не уничтожены. Зрелище атаки «Ретвизана» экзальтировало души нас, близких свидетелей этого феерического эпизода. Это чувствуется в прерывающемся баритоне Трухачева**), сносящегося с нами с «Бесстрашного», в наэлектри-

*) Так Щенснович, уже в Петербурге, объяснил мне, что произошло (в мой единственный к нему визит).

**) Лейтенант Гвардейского экипажа Петр Львович (Петра) Трухачев — командир «Бесстрашного».

зованных движениях команды, видится в их сияющих лицах и блестящих глазах. Но в наступивших глубоких сумерках наша группа двух миноносцев, сопровождавших «Ретвизан», потеряла связь с отрядом. Следует четверть часа быстрых и беспорядочных метаний среди наших крейсеров, полным ходом шныряющих в темноте по всем направлениям. «Новик», за которым мы были устремились, куда-то быстро исчез, значительно превосходя нас скоростью. Наткнулись на «Аскольда», который, пока мы поворачивали, оставил нас тоже позади. Никто не отвечает на наши вызовы ратьером. Небо затянуто мглой. Пытаюсь запросить компас — какой-то калейдоскоп румбов картушки вследствие быстрых вынужденных поворотов. Единственно смутной, расплывчатой зоной ориентировки служат по временам глухие раскаты пальбы и зарницы огня на горизонте — видно наши корабли садят по атакующим миноносцам. Но куда держат они и что они будут делать ночью? Идем борт о борт с «Бесстрашным». Командиры и я с братом*) держим совет. Идти к кораблям явно нельзя — будем встречены огнем. Идти в Артур — хороши мы будем там завтра единственными из эскадры. Кто и на чем командует — неизвестно. Никаких директив не только для боя, но и для похода. Единственное ясное задание:

«Государь Император приказал идти во Владивосток».

Брат за Владивосток; я тоже; Трухачев категорически присоединяется к нашему мнению; командир, не имея что предложить, соглашается. Итак — во Владивосток!

Берем старый курс OSO. Тиши в воздухе, море все также гладко и, редкое в этих широтах явление, — поверхность его вблизи светлее, чем заоблачившееся небо. Идем фронтом примерно в 10-ти саженях. То один, то другой миноносец вылезает. Минеры у аппаратов, комендоры у орудий. Несколько минут — и впереди вынырывает из темноты быстро растущая темная масса. Вижу в Цейс на два румба справа от курса облик японского номерного миноносца с одной мачтой, идущего на нас и уже круто поворачивающего на контр-курс, чтобы избежать столкновения. Кричу вниз: — «Аппарат на правый» и спрыгиваю с мостика прямо на палубу рядом с квартирмейстером Ефимовым, уже переведшим аппарат. Мгновенно навожу впереди форштевня японца, который быстро скользит на контр-курсе в 5-ти саженях.

— «Пли!»

Ефимов спокойно, но резко дергает ручку спуска. Заело не доходя до конца сектора! Он

*) Мой младший брат, мичман Владимир Иениш, на «Бесстрашном».

мгновенно подает ее вперед для более сильного маха нажатия. Прицел уже между форштевнем и мостиком. И в это мгновение вижу, как за японцем выростает больший силуэт «Бесстрашного», который, нажимая большим ходом, состворился с ним на расстоянии примерно тоже в 5 саженях от него. Мгновенно вижу известную всем возможность улубления мины в первые секунды, проход ее под японцем и удар в глубокосидящий «Бесстрашный», хватаю руку Ефимова и останавливаю уже на ходу. Через несколько секунд японец исчезает в темноте. Не повезло!

В чем не повезло? Не было сомнения, что один из миноносцев, японский или наш, был бы взорван, если бы спуск не заел. Почему он заел? Мы тотчас же проверили — он скользил как по маслу. Единственное объяснение — резкость нажима ручки слегка наискось по сектору. Второй нажим был бы также роковым для одного из двух судов.

Все это было делом нескольких секунд.

Ксмендоры на наших миноносцах объяснили, что они видели, находясь в стоячем положении, взаимное положение миноносцев и боялись всадить в свой.

Вот еще эпизод для размышления в тиши кабинета.

Должен сказать, что мы на этом не останавливались, ибо в данном случае нельзя было никого обвинить в недостаточной быстроте рефлексов, даже командира — японца, который, хотя тоже не приветствовал нас миной, но, приходя на высоту нашего мостишка, крикнул:

— «Русский дурак пошел!»

Продолжаем скользить, все параллельно, среди абсолютного спокойствия, переговариваясь от времени до времени. Инженер-механики производят подсчет угля. Оказывается, что израсходовано много больше, чем ожидалось, но все же должно хватить, если даже придется дать несколько часов полного хода. Одно ясно: ход наш меньше нормального, а ведь мы недавно прошли через док. «Бесстрашный» находится в этом отношении в худшем положении, чем мы.

Но нам обоим неизвестно, даже приблизительно, наше место — вследствие верчения и частой перемены хода. Во всяком случае нужна широта для огиба Кореи. А небо все также закрыто. Наконец, нездолго до полуночи, обозначаются разрывы облаков, и горизонт влево более ясен. Начинается часовая игра секстанта с неизвестными, мерцающими по временам, звездами. Ни одна высота по альманаху не подходит. Но вот радость — полярная! В 10 минут все на месте.

Только что сообщаю, вылетает из машины инженер-механик, требует немедленно уменьшения хода — что-то с циркуляционной пом-

пой. Ее помню теперь, что именно, но знаю, что с этого времени установили на палубе брандспойт и начали качать в ручную забортную воду. Трухачев отказался нас покинуть и мы оба поползли уменьшенным ходом. Кузнецов лихорадочно работает внизу с машинистами, уверяет, что это дело нескольких часов, но, чертыхаясь, требует оставить его в покое. И он прав. Тащимся. Уже светает. Море отменно пустынно, на горизонте ни дымка. Безоблачное небо и мертвый штиль приветствуют восходящее солнце. Дышится легко. Люди, хотя тоже скорее веселы, но видимо сильно утомлены непрестанным и быстрым качанием брандспойта в течение нескольких часов. Мы с Бергом временами становимся сами с людьми и убеждаемся, что это действительно тяжело.

Где-то на горизонте, слева под солнцем начинает рисоваться тающая линия высот Корейского берега. Неожиданно на несколько румбов впереди правого траверза замечены на горизонте ворхушки мачт и постепенно вырисовываются силуэты трех крейсеров «собачек», идущих слегка сходящимися с нами курсами. Мы поворачиваем к берегу. Они продолжают следовать вдоль горизонта к северу, видимо, еще не опознав нас, и только оказавшись почти за нашей кормой, два из них отделяются и направляются, вдруг сильно задымив, в нашу сторону.

Теперь все зависит от наших взаимных скоростей и расстояния от архипелага островов. Мы даем, что можем — около 12-ти узлов, а «собачки» могут печатать 23. Брандспойт ходит, как бешеный. Трухачев опять отказывается нас оставить и только выходит вперед. Что меня поражает — это странное спокойствие наших душ. Словно они в гармонии с безмятежностью этой залитой солнцем равнины моря, этим лучистым небом и ясным теперь, хотя и далеким еще берегом. Крейсера быстро нажимают; они уже на расстоянии выстrela 6-ти дюймовых орудий, но огня почему-то не открывают. Но земля еще далеко и ясно, что нам не уйти. Третий крейсер скрылся влево. Надо приготовиться к худшему.

Решаем разнести подрывные патроны, и я ставлю минный аппарат на положение выстрела в машину. Если откроет огонь на дальности 75-ти мм. орудия, решено повернуть и отвечать. Воцман Кадушкин от меня не отходит. И все то же странное чувство душевного мира, точно обволакивающего миноносца. Вскоре один из преследователей оставляет погоню и поворачивает влево. Оставшийся упорно нажимает. Уже ясно виден бурун у форштевня, трубы сильно дымят, расстилая за ним неподвижную в этом тихом воздухе темную полосу. До берега уже не более трех миль. Люди изнемогают у насоса. Посылаю Кадушкина участвовать смену. Уже

крейсер на 40 каб. и все молчит. Вдруг подлетает Кадушкин и радостно выпаливает:

— Ваше Благородие, команда больше не может, просит повернуть и атаковать.

И я чувствую, что команда, действительно, больше не может, но в то же время ничто в духовной атмосфере миноносца не изменилось, необычайное спокойствие, разлитое повсюду продолжает царствовать. И также спокойно объясняю полную невозможность какого бы то ни было успеха из-за разницы скоростей, не большой дальности минного выстрела, не говоря о разнице дальности артиллерии. Но едва удерживаюсь, чтобы не обнять его в ответ на его слова.

Прсходит еще с десять минут. И вот появляется из люка измученный машинный квартирмейстер и докладывает, что сейчас перейдут на циркуляцию помпой. Посылаю его на мостики к командиру. Через минуту помпа работает, брандспойт брошен, и мы значительно увеличиваем ход. Одновременно крейсер прекращает погоню и медленно поворачивает, так и не открывая огня. Мы уже совсем близко к архипелагу (где-то недалеко к югу от Чемульпо), вскоре за главным островом, затем входим в не-большую лагуну между тремя другими островами и натыкаемся в полу-кабельтова на каботажный пароход под японским флагом, переволненный корейскими кули и многочисленными женщинами и детьми. Невообразимая суматоха на его палубе под тентом. Пассажиры бросаются массой на противоположный нам борт, пароход сильно кренится, катится вправо и, усиленно дымя, направляется к проходу между двумя другими малыми островами. Ставляем его в покое — что нам делать с этой сотней ошалевших людей на руках.

Является вопрос, как выбраться из этой мышеловки? Долгий ясный день впереди. Собачки вызовут по радио эскадренные миноносцы с поддержкой малого крейсера, и тогда нам обоим крышка. К тому же Кузнецов предупреждает, что один котел выведен из строя, что другой в плохом виде, что больше 14 узлов он дать не может, и то на короткое время. Хвицкий на «Бесстрашном» может дать до 18-ти узлов — не больше. Но, если придется еще крутиться за островами, то до Владивостока уголь не хватит. Между тем Трухачев категорически отказывается нас покинуть. Остается попытать счастье и попробовать достичь Цинтая, где он сможет быстро пополнить уголь, а мы переменить хоть часть трубок в котлах.

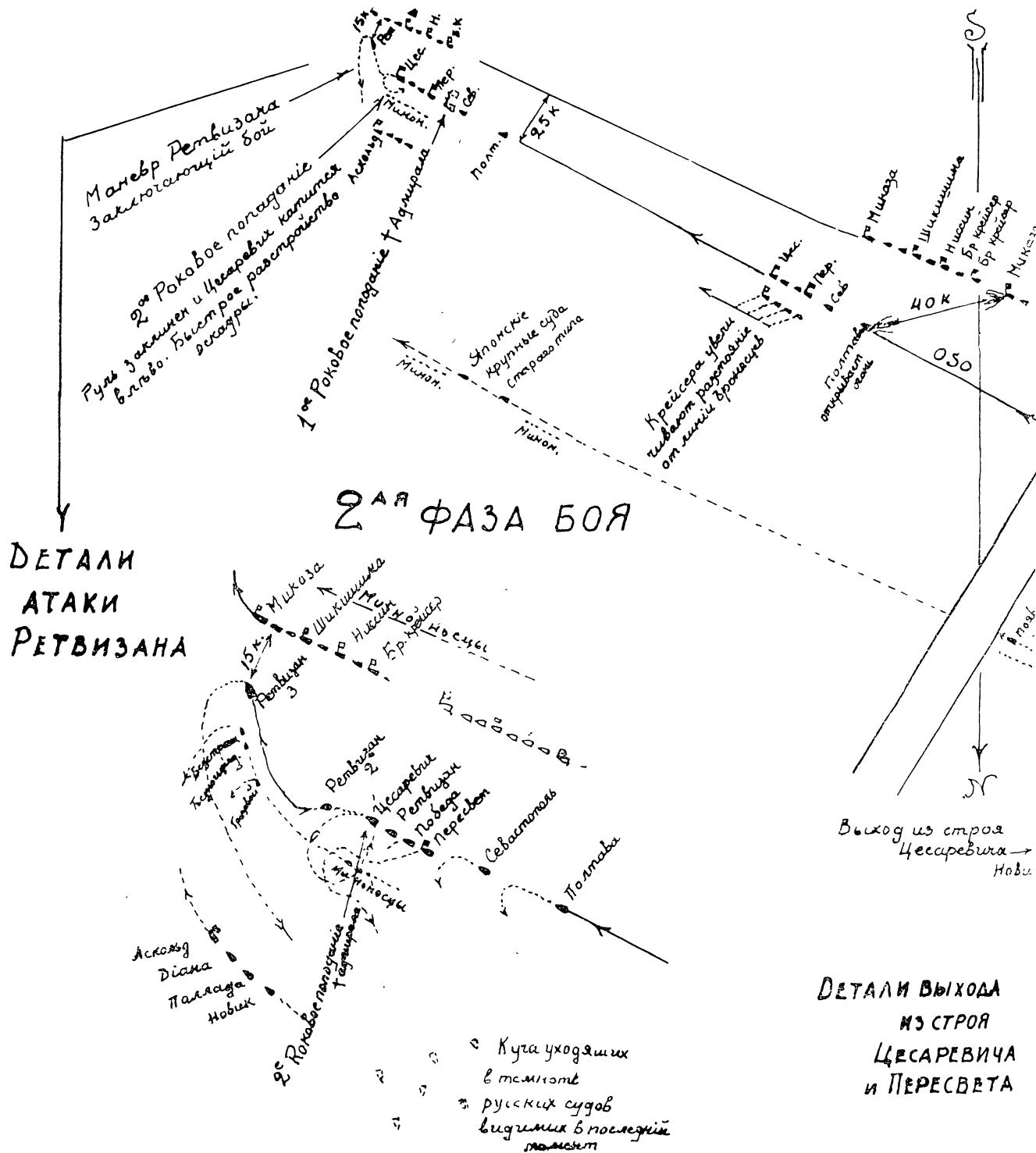
Выходим из-за островов и держив в SW четверть. Прошли около мили — на горизонте выплывают надстройки двух «собачек», медленно скользящих параллельно берегу. Мы берем далеко под корму им, но замечены. Уходим обратно за острова. Несколько раз повторяем

этот маневр среди лучистого света дня. Каждый раз «собачки» появляются то на том же, то на противоположном курсе. Проходят часы. Наконец открываем, — уже чуть за полдень — что один крейсер исчез, а другой продолжает крейсировать, но значительно дальше. В милю от берега, над горизонтом видны только его мачты, вероятно с наблюдателями, но корпус судна на этом расстоянии остается неизменно за горизонтом. Эти мачты прогуливаются медленно взад и вперед, делая размахи в 3-4 мили. Постепенно, при каждой нашей попытке, размах этой прогулки увеличивается. Что за странная хитрость? Почему он не крейсирует ближе? Быть может, рассчитывает на отблеск солнца на воде, затрудняющий нам видеть его стены? Но вот он, верно, не расчитал, и уже в двух милях от берега мы видим верхушки стен, исчезающих за горизонтом к северу. Ставим все на карту и, давая все, что можем, идем на SW. В лихорадочном ожидании пересекаем линию крейсерства и уходим все дальше и дальше. Стены опять появляются, скользят к югу, уже за нами, но корпуса судна мы уже не видим. Коли он нас теперь откроет — ванны не избежать. Проходит минут десять и стены скрываются. Берем курс на Цинтао (в обход Вей-хай-вея).

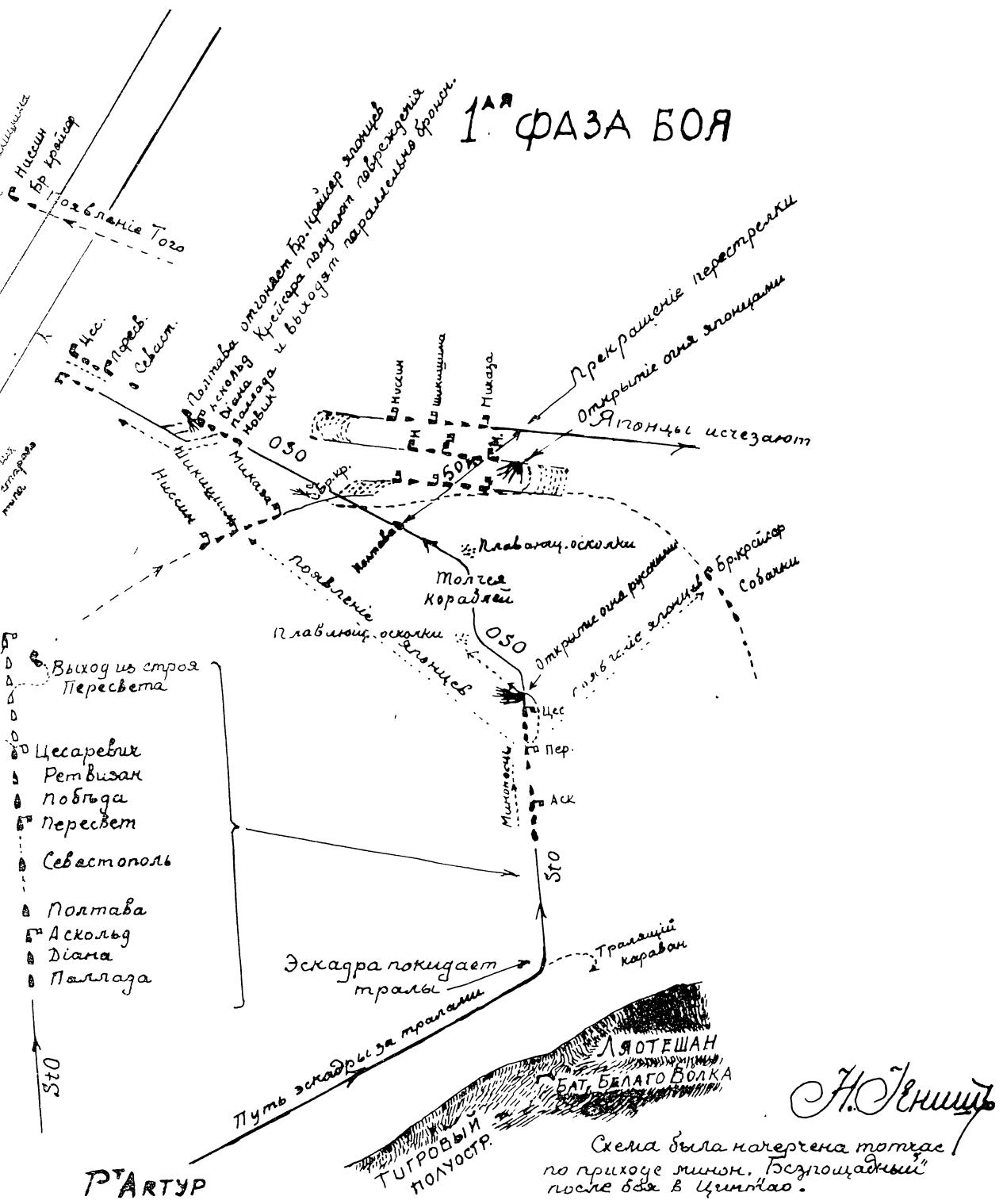
Что за чудо? Стал-ли крейсер жертвой собственной хитрости и упустил нас потому, что его сигнальщики поглощены были наблюдением в сторону берега и не кинули взгляда в сторону моря? Загадка так и осталась загадкой. Поглощенные этой игрой мы ни о чем больше не думали до исчезновения японца. Дотащились медленным ходом до ночи, когда пришло еще уменьшить ход, разошлись ночью на милю слева с какими-то тремя военными судами, шедшими с открытыми огнями и рано утром вошли в порт.

Окраска наших миноносцев несколько затрудняла опознание. Они были с начала осады умышленно небрежно перекрашены вместе с поручнями, трубами, мачтами и всей медяшкой в защитный цвет, своего рода «хаки», под колорит ближайших к Артуру берегов, что делало их очень мало заметными вблизи берега как днем, так и ночью и крайне затрудняло определение расстояния до них для полевой артиллерии противника. Офицеры в походе облачались в кителя примерно того же неуловимого цвета, а чехлы фуражек попросту никогда не мылись.

Меня особенно поразила разница этой окраски с окраской вражеских миноносцев при встрече с японским номерным ночью после боя: последний совершенно ясно проектировался на воде, а «Бесстрашный», втрое больший, бывший в каких-нибудь 10-ти саженях от нас, казался каким-то туманным призраком. В ночь следо-

Курсы японской эскадры и отдельных отрядов приглашаются.

вания в Цинтао было бы невозможно держаться близко за «Бесстрашным» без открытия им для нас кормового ратьера, хотя у меня в ту эпоху были глаза рыси (что я безвозвратно потерял на 28-м году жизни).

При расхождении в ту же ночь с военными судами (которые могли быть, по собранным немецкой разведкой в Цинтао сведениям, только японскими или итальянскими), они нас, несомненно, не обнаружили.

Вполне возможно, что в денек «игры в прятки» эта окраска сыграла крупную роль.

Жалкая серая масса изодранного броненосца, приткнувшаяся к концу крайнего мола, приковывает взоры:

— «Цесаревич»! — кричащее олицетворение поражения.

На следующий день телеграмма:

— «Да успокоятся сердца ваши в сознании исполненного долга. Приказываю разоружиться. Николай.»

Исполненного-ли? — Кто знает.

Николай Иениш

Трагедия XX арм. корпуса в Августовских лесах

(Личные воспоминания).

Эти воспоминания посвящаю моим однокашникам Виленцам и моим однополчанам родного 114 пех. Новоторжского полка.

Разбив армию ген. Самсонова, немцы вышли через Летцен во фланг нашей первой армии ген. Ренненкамфа и заставили всю нашу армию докатиться до самого Немана. Немцы преследовали нас только до м. Кросни, а дальше наступать до м. Олиты они не решились и остновились. Как впоследствии мы узнали, они уже выдохлись и тоже начали переброску своих некоторых частей на Варшавский фронт. В первых числах сентября 1914 года нашему 114 пех. Новоторжскому полку приказано было занять позицию впереди м. Олита, по опушке леса, южнее дороги, идущей от м. Олита на гор. Мариамполь. Наш 1-й батальон занял прекрасно оборудованные и глубокие, в полный рост человека, окопы. Командир батальона подполк. Яхонтов расположился позади железнодорожной будки. Здесь мы хорошо отдохнули и получили пополнение людьми. Каждую ночь от батальона, одна рота, по очереди, уходила в сторожевое охранение. Через две недели мы получили новый приказ: нашей 29 пех. диви-

зии перейти снова в наступление и преследовать немцев до самой границы. Выйдя из окопов, весь полк построился на шоссе и с мерами походного охранения двинулся в направлении на м. Сейрее. Наш 1-й батальон шел в авангарде полка, а от первой роты были высланы походные заставы. Пройдя около десяти верст, втянулись в большой лес и здесь произошло первое столкновение с немцами. Мл. офицер 1-й роты прапорщик Клюге, идя с левой боковой заставой по лесной дорожке, подошел к избушке лесника. Когда он приблизился для осмотра жилого помещения, оттуда внезапно выскочил немец с ружьем, в упор выстрелил и убил его наповал. Тогда наши солдаты атаковали бывших там немцев, несколько человек закололи, а двух взяли в плен. Затем наш полк двинулся дальше, и к вечеру мы заняли мест. Сейрее. На следующий день мы получили новый приказ: двигаться дальше к западу и занять гор. Кальварию. Когда на следующий день мы подходили к городу Кальвария, то немцы как

раз были там на большом привале. Наше неожиданное появление у города так их напугало, что они сразу бросились убегать без всякого сопротивления и их обозные фургоны летели по всем дорогам и полям. Преследовать их мы не могли, так как у нас никакой кавалерии не было. Заняв гор. Кальварию, мы расположились на ночь в казармах 2-го лейб-улан. Курляндского полка. Потом получили приказание перейти оттуда в район мест. Вижайны, где и пробыли целую неделю в дивизионном резерве. Из дивизионного резерва нам было приказано двинуться вперед и занять у озера мест. Выштинец. Подойдя к mestечку, обнаружили там немецкую кавалерию, которую легко отогнали на запад до самой опушки леса. Это mestечко Выштинец, находящееся на самой немецкой границе, нами было занято, но удержаться в нем мы не могли, потому что немцы с утра до вечера сыпали нас шрапнельным огнем. Не желая нести бесполезные потери, мы вышли из mestечка и заняли окопы, тоже как немцы, по опушке другого противоположного леса. Здесь просидели в окопах, приблизительно, около недели. В это самое время правее нашей дивизии находился в районе Вержболово III-й арм. корпус, но он продвинуться вперед не мог, так как немцы оказывали ему упорное сопротивление. Наконец, 22 октября 2-му батальону 116 пех. Малоярославского полка удалось у озера Ганча прорвать немецкий фронт, и тогда вся наша 29-ая дивизия ворвалась в Вост. Пруссию. Когда главные силы нашей дивизии вошли в Роминтенский лес, чтобы ударили в тыл немцам у Вержболова, немецкие колонны быстро отошли, и III-й арм. корпус тоже вступил в немецкую землю. Все выходы из Роминтенского леса были заняты немцами и они там упорно защищались. Первыми вошли в лес наши доблестные Малоярославцы, а наш 1-й батальон Новоторжского полка был выделен из полка им на поддержку в резерв. Немцы упорно оборонялись за рекой и не хотели допустить нас к охотничьему замку Вильгельма II. Малоярославцы заняли позицию тоже по обеим сторонам моста вдоль речки. Ружейная и пулеметная стрельба с обоих сторон не прерывалась. Под вечер 3-й и 4-й батальоны Малоярославцев, по приказу командира полка полк. Вицнуда, ринулись прямо под огнем по мосту в атаку, а мы пошли им на поддержку. Немцы стой атаки не выдержали и отступили. Мы заняли охотничий замок Вильгельма II, с большим комфортом там расположились и заночевали. Замок был в полной чистоте и порядке, и мы ничего там не разрушали. В комнатах было много охотничьих ружей, а по стенам были размещены различные трофеи. На следующее утро подошел наш Новоторжский полк, и мы двинулись в авангарде вперед. Идя небольшой

**Педпор. 114 пехот. Новоторжского полка
БАЛТУШЕВСКИЙ Командующий 1-й ротой.
Снимок на другой день после прорыва 10
февраля 1915 г. в г. Гродно.**

лесной дорогой, мы натолкнулись на небольшой дом, в котором засели немецкие егеря, неожиданно открывшие ружейный и пулеметный огонь по нашей колонне. У нас сразу появились убитые и раненые. Мы окружили этот дом и предложили егерям сдаться, но они категорически отказались. Тогда подкатили одно орудие, открыли по домику стрельбу и зажгли его снарядом. Дом сгорел и все немцы погибли в сгне. При выходе из Роминтенского леса нашему 1-му батальону приказано было взять ночной атакой одну большую деревню (названия не помню). Ночью мы эту деревню атаковали и взяли, а немцы отступили. В этой атаке отличился и был убит командир 1-й роты подпоручик Розенталь (наш Виленец 3-ей роты вып. 1912 г.). Немцы на своей земле везде упорно защищались и медленно отходили, поэтому наше дальнейшее наступление шло «тихой сапой», и, таким образом, мы дошли до города

Дарксмен. 21 ноября нашему полку было приказано произвести ночную атаку и захватить немецкие окопы перед Дарксменом. После небольшой артиллерийской подготовки, в ночной темноте, наши батальоны двинулись вперед. Немцы почувствовали наше наступление и стали усиленно освещать местность световыми ракетами. Пока мы двигались оврагами и пользовались пересеченной местностью, наступление шло довольно удачно и мы несли небольшие потери, но, когда мы вышли на совершенно ровное и открытое место, немцы нас буквально засыпали своим артиллерийским, ружейным и пулеметным огнем. Некоторым ротам удалось дойти до проволочных заграждений (их было три ряда), но ножниц для резки проволоки было у нас очень мало и сделать проход не удалось. Потери в людях были большие, и наши роты под сильным огнем неприятеля отошли назад в исходное положение.

Левее нашего батальона, в тоже самое время, наступали части 4-го батальона. Их наступление велось в направлении на деревню Штробкен, двумя ротами — 14-й и 16-й. Их боевой участок был менее укрыт, ровный с болотистой низиной по берегу Ангераппа. Так же, как и мы, дойдя до неразрушенных артиллерией проволочных заграждений, они залегли. Ножниц не было! Вынужденные также отойти в исходное положение они понесли еще большие потери, чем наш батальон. Командиры рот капитаны Дерибизов и Эдомский были убиты, а подпор. Звездкин тяжело ранен.

На следующий день выпал очень большой снег. Для охранения нашего батальона была выслана полурота 2-ой роты под командой подпор. Тидемана (наш Виленец 1-ой роты вып. 1913 г.). Они заняли небольшой окоп и там окопались, но ночью немцы, пользуясь темнотой и снежной погодой, их обошли с двух сторон и взяли в плен всю полуроту вместе с подпор. Тидеманом. Командир полка полк. Иванов получил за это от штаба дивизии выговор. С этого времени у нас началась зимняя окопная война.

В это время наша X-ая армия состояла из 4 корпусов: III, XX, XXVI и III Сибирского. Наш XX корпус занял позиции вдоль реки Ангерапп. Правее нас была 27 пех. дивизия, а влево 53 и 28 пех. дивизии. Наш 114 пех. Новоторжский полк занимал позицию против дер. Дарксмен. Наши окопы и проволочные заграждения были очень слабые. Немцы занимали сильно укрепленную, командную позицию за рекой Ангерапп и почти везде могли нас хорошо обстреливать. Немцы не жалели снарядов и почти каждый день нас забрасывали, наша же артиллерия очень редко открывала огонь, потому что был строгий приказ: «беречь снаряды». Настроение у нас было плохое, так как мы сознавали, что

немцы во всякий момент могут прорвать наш жидкий фронт. В середине января 1915 года мой сосед в окопах поручик Девяткин обратил мое внимание на то, что в немецком тылу по вечерам и ночью слышно большое движение и грохот поездов из Дарксмена на Гумбинен. Среди офицеров ходили разговоры, что это прибыл новый Баварский корпус. Какое положение было на нашем фронте — мы, младшие офицеры, конечно, не знали.

В самом конце января месяца 1915 года дошло до нас официальное сообщение о прорыве немцами левого фланга нашей X-ой армии у гор. Бяла. В это же самое время немцы вступили в бой с 3-ей кавал. дивизией на нашем правом фланге, обошли ее с севера и заставили отступить. III-й арм. корпус не выдержал подхода противника. Не известив соседний наш XX корпус, он быстро отошел на Вержболово и Ковно, обнажив, таким образом, правый фланг XX корпуса. Под влиянием прорыва на левом фланге у гор. Бяла, XXVI карм. корпус и III Сибирский тоже отошли на юго-восток. Наш XX корпус оказался впереди, выдвинутым и с обоями обнаженными флангами.

Наверху, в штабах, как видно, была какая-то заминка. 27 января было дано приказание быть готовыми во всякое время к отходу с позиций, а на следующий день было отменено отступление и приказано держаться на позициях во что бы то ни стало. 29-го января, после полудня, получили новый приказ: оставить в окопах небольшое прикрытие, с наступлением темноты оставить свои позиции и двигаться на восток. Были указаны тыловые пути. С наступлением темноты наш полк незаметно снялся, оставив прикрытие, и двинулся в направлении на Сувалки. Начавшаяся с вечера снежная метель превратилась в настоящую снежную бурю. Дорога была невероятно тяжелая. В снежных заносах тонули орудия, повозки. Люди, сами измученные тяжестью дорогой, увязая по колено в рыхлом снегу, тащили и те и другие по снежным сугробам на собственных плечах. При подходе к самой русской границе нас настигла немецкая кавалерия, но, встреченная ружейным и пулеметным огнем, вскоре рассеялась. Когда мы перешли русскую границу, снежный буран (выюга) сменился оттепелью и дождем. Движение по размытым деревенским глинистым дорогам стало еще тяжелее. 2-го февраля, когда мы, уже в темноте, подходили к городу Сувалки, по обоим сторонам шоссе в вырытых окопах нашли вторую бригаду — 115 пех. Вяземский и 116 пех. Малоярославский полки. Офицеры Вяземцы сообщили нам, что они в этом районе отбили наступление немцев. Мы прошли мимо них и приблизительно около 11 часов вечера вошли в город Сувалки. Была темная тихая ночь, и дождь прекратил-

ся. Город был тихий и совершенно пустой, дома — большинство с заколоченными ставнями. Мы рассчитывали, что нам дадут тут немного отдохнуть в казармах, но наши надежды не оправдались. Почти всю ночь на главной улице-шоссе формировали колонну в три ряда. Посередине артиллерия и обозы, а по бокам пехота вздвоенными рядами. Предполагали, что сейчас же за Сувалками неприятель атакует нас, и такой штурмовой колонной хотели пробиваться, спасая артиллерию и обозы. В таком порядке и двинулись на рассвете из города к югу, на Августово. Настроение было очень плохое, так как боялись, что не успеем вырваться из кольца окружающих нас немецких дивизий. Но как только вышли из Сувалок, пошли нормальным порядком, а не тройной колонной и скоро свернули с Августовского шоссе в лес. В глубоком Августовском лесу у дер. Франчха наш полк столкнулся с немцами. Мы их быстро отбросили и, не задерживаясь, к ночи успели дойти до деревни Грушки. Стрельба уже всюду затихла, и наступила тихая зимняя ночь. Полк. Иванов приказал нам всем разместиться по хатам и сарайям и сказал, что здесь будет наша дневка. До нашего прихода в дер. Грушки никто здесь еще не был, и деревенских продуктов было вполне достаточно. Тут мы очень хорошо подкрепились и отдохнули. Это был наш первый настоящий отдых с момента начала отступления. В то же время 116 пех. Малоярославский полк нашей 2-ой бригады, идя по другой дороге, выбрал совершенно немцев из дер. Махарце. В этом славном бою Малоярославцы, сами потеряв два батальона, дали возможность отойти назад 27-ой дивизии, причем полк захватил 5 орудий, взял в плен 2 офицеров и 400 солдат. На следующий день, после отдыха, мы вышли из деревни Грушки с намерением выйти из леса и пробиться к гор. Гродно. Но пройдя лишь 5 верст, в ближайшей деревушке мы наткнулись опять на немцев. Мы их, внезапно, атаковали, разбили и взяли в плен 3 офицеров и 200 солдат.

6-го февраля рано утром мы вышли на опушку леса у Маркова моста. Здесь в бинокль мы ясно увидели, что впереди за речкой, на высотах, немцы копают окопы и уже разрушают мост. Наш полк остановился и стал поджидать подхода других частей. В течение этого дня пошли на опушку леса почти все части нашего XX-го корпуса.

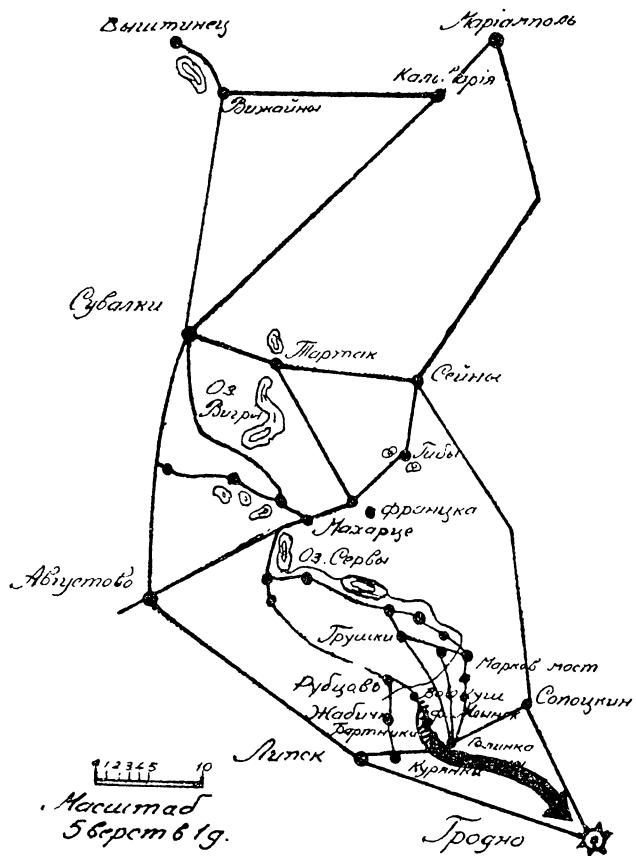
Утром 7-го февраля командир корпуса генерал Булгаков приказал всем частям начать наступление и пробиваться в Гродно. Получив приказ, все полки вышли из леса. Пользуясь небольшими складками местности, под прикрытием усиленного огня своей артиллерии, наши цепи все время двигались вперед и местами даже переходили в брод речку Волькуши. Немцы

все время обстреливали нас артиллерийским и ружейным огнем, а когда мы подошли ближе к речке, то поднялась еще сплошная пулеметная стрельба. В этот момент, на моих глазах, был убит командир 116-го пех. Малоярославского полка полк. ген. штаба Вицнуда, шедший со своим адъютантом вместе с наступающими цепями. Тут же, недалеко от меня, был вторично ранен в грудь мой друг подпор. Чижик (порт. юнк. 3 роты вып. 1913 г., первый раз он был ранен тоже в грудь 6 августа 1914 г. у Гумбинен). Наши цепи не выдержали пулеметного огня у реки Волькуши и под огнем отошли назад на опушку леса. Прорвать немецкий фронт Волькуши-Богатыри и Бартники — не удалось. Полное окружение. Наше настроение совсем упало. После боя я получил приказание итти с ротой для прикрытия батареи. Расположив роту у батареи, лег, укрывшись буркой, на снег и задремал. В 10 часов вечера ко мне пришел поручик Собецкий и, от имени командира полка, приказал мне с ротой присоединиться к своему 1-му батальону. Через полчаса я прибыл с ротой к фольварку Млынек и присоединился к нашему батальону. Тут же собирались все части нашего XX корпуса. Наши солдаты от голода грызли мерзлую картошку и делились с нами своими черными сухарями. Я обратил внимание, что многие командиры и офицеры собираются в хату мельника. Ст холода я тоже зашел покурить в большую хату и устроился тут в уголку с младшими офицерами. Оказалось, здесь в это время был «Совет в Филях». За большим столом сидел командир XX-го корпуса ген. Булгаков, весь его генералитет и командиры отдельных частей. На столе были разложены карты и они обсуждали создавшееся после окружения корпуса положение и как лучше пробиться на Гродно. Наш начальник 29-ой пех. дивизии генерал Розеншильд-фон-Паулин и командир 108-го пех. Саратовского полка полк. ген. штаба Белолипецкий предложили бросить все обозы, зарыть замки от орудий, бросить артиллерию и пробиваться ночью лесами через немецкое сторожевое охранение у Бартники; но этот план, к сожалению, был отвергнут командиром XX-го корпуса. Приказано, несмотря на тяжелую обстановку, обычновенным походным порядком идти по одной дороге на Жабицке-Курьянки и прорваться на Гродно. В авангард назначены 113, 114 и 115 полки, за авангардом главные силы: 3 полка 27-ой дивизии, остатки 116 полка (от него осталось 40 чел. со знаменем) и 20-ый полк; за ними артиллерия и парки. Арьергарду же (нач. штаба 27-ой дивизии полк. Дрейер) 110, 112, 210, 211 и 212 полкам с их артиллерией — прикрывать отход частей корпуса на фольварк Млынек. Все офицеры вышли из хаты мельника и направились к своим частям. Я

подошел к нашему батальонному. Вскоре к нашей группе офицеров подошел местный житель литовец-крестьянин и сказал нам, что он очень хорошо знает дороги и за вознаграждение берется нас вывести из леса прямо на Гродно. Мы на его предложение согласились и собрали ему больше 100 рублей.

В голове авангарда шел 114 пех. Новоторжский полк, сзади нас 113 пех. Старорусский полк, а остатки 115 пех. Вяземского полка шли в цепочке для связи с главными силами. После 12 часов ночи на 8 февраля мы двинулись с литовцем-проводником вперед. Из фольварка Млынек мы шли по дороге на Жабицкое, но, пройдя только полверсты, сразу круто свернули налево в лес и пошли по большой просеке западнее дер. Бартники. Курить было строго воспрещено. Войдя в лес, побросали котелки и шанцевый инструмент. Люди сознавали важность момента и шли в полной тишине. Пройдя около четырех верст, подошли к опушке леса и слева от себя на большой поляне увидели немецкую батарею. У одного орудия стоял прислонившись немецкий часовой с винтовкой и, как видно, сладко дремал. Моей роты высокий, здоровый солдат Гучков, шедший в дозоре, подскочил к нему и сразу штыковым ударом уложил его бесшумно на месте. Охранения около батареи близко не было. По всей вероятности, после боя накануне этого дня где-нибудь тут недалеко люди спали. Позади батареи был небольшой пригородок и внизу ручей. Офицеры бросились быстро к орудиям, вытащили замки и побросали вниз в ручей, а солдаты нашли где-то в ящиках хорошие белые бисквиты и набили себе полные карманы. В это же время наш командир полка полк. Иванов верхом на лошади, с адъютантом и знаменщиком во главе, со вторым батальоном перескочили ручей и стали быстро уходить на восток по замерзшему болоту. Только тогда, когда мы удалились от батареи на целую версту, оттуда раздалось несколько ружейных выстрелов, не причинивших нам никакого вреда. Пробиться нам удалось на линии участка Курьянки-Копчаны. Пройдя по болоту около трех верст, слева от нас, параллельно дороге, мы увидели идущий нам навстречу большой немецкий обоз под охраной кавалерии. Второй батальон под командой подполковника Ерофеева рассыпался по болоту в цепь и обстрелял этот обоз. От нашей стрельбы там произошла большая паника, люди и лошади кувыркались и мчались по всему полю. Покончив с немецким обозом, двинулись дальше и через два часа подошли к линии форточ крепости Гродно. Когда мы подошли, нас не узнали и стали обстреливать. Наши солдаты начали махать фуражками и кричать: «свои! свои!». Подошли по дороге к окопам и нашли здесь небольшую часть 109 пех. Волж-

Схема прорыва Гродна 29 января дивизией XX корпуса 8 февраля 1915 года

ского полка. Через два часа после этого вошли в центр города Гродно, где нас радостно встретили другие части. Расположились в домах в центре, около большого костела. Умылись, почистились и пошли обедать в большой ресторан. Настроение у нас было пасхальное. В ресторане мы прекрасно пообедали. Там было очень много офицеров, и мы себя чувствовали как в Гарнизонном Собрании. Через два дня в Гродно прибыл из Ставки Верховного Главнокомандующего генерал Кондзеровский, и нашу счастливую бригаду выстроили на площади города. От имени Великого Князя Николая Николаевича он нас поздравил с удачным прорывом и объявил, что нашему полку будет пожаловано Георгиевское знамя. Прокричали «ура» и прошли перед генералом церемониальным маршем. Весною 1915 года 113 пех. Старорусского полка командир полк. ген. штаба фон-Сльдероге и 114 пех. Новоторжского полка полк. Иванов были за это произведены в генерал-майоры и, позже, оба были начальниками дивизий. В день нашего прибытия в Гродно были высланы войска для спасения остатков

корпуса, но было уже поздно.

Получив пополнение людьми, мы стали временно по фортаам крепости Гродно, а потом двинулись походным порядком через Липск и Штабин к Августовскому каналу сменить там III-й Сибирский корпус и занять его позиции. Остановились на ночлег и дневку недалеко от гор. Липск в одной деревушке, около Августовского леса. Воспользовавшись этим отдыхом, двое из наших офицеров поехали верхом осмотреть подробно место нашего прорыва. Во время осмотра они узнали от местных жителей, что в ночь нашего прорыва через немецкую батарею, по соседству, в деревнях Гольянка и Бартники находились немецкий пехотный и кавалерийский полки, но они нас прозвевали. К великому сожалению, наши главные силы от нас оторвались и пошли обычновенными дорогами на Жабицкe и прямо попали в руки врача. Выйдя на опушку леса, главные силы и арьергард столкнулись с неприятелем, и здесь произошел последний роковой бой XX-го корпуса с немцами. 106-го Уфимского полка подполковник Успенский, шедший с главными силами и попавший в плен к немцам, в своей книге «На войне» эти последние минуты описывает так: «Кончается лес... И вот, как только стали видны просветы опушки, сразу застучали немецкие пулеметы; и спереди и с флангов засвистели пулеметные струи и на разные тона запели ружейные пули. Падают убитые и раненые, но мы продолжаем движение, только теснее смыкаемся к своей полковой колонне. Опушка леса... и сразу забухали немецкие гаубицы, заскрежетали и завыли, разрываясь в воздухе, шрапнели и гранаты. Быстро, быстро, теряя убитых и раненых, мы переходим в боевое расположение и, выйдя из опушки на большую, широкую поляну, окруженнную холмами, цепями продолжаем наступление. Огонь немецкой артиллерии и пехоты усиливается и уже буквально со всех сторон. Кольцо противника все уже сжимается, но вот наша артиллерия заняла позицию на холмах опушки леса, сзади нас, и открыла свой огонь тоже во все стороны. Часть их снарядов летит через головы. Мы почти бежим по болотистой равнине с кочками, наивно думая, скорее достигнуть переди лежащего леса, вырваться из объятий смерти, но... навстречу нам, стреляя на ходу, уже идут немецкие цепи. Их пулеметы вырывают у нас целые ряды убитых и раненых, а немецкие батареи, с расстояния 700 шагов, беглым огнем гранатой на удар и, наконец, дождем картечи, встречают наше безумное, без патронов, наступление по болоту! Все части наши перемешались. Некоторые из нас громко, нервно кричат все время: «Уфимцы, сюда!» «Камские ко мне!» Как в калейдоскопе промелькнула где-то в стороне мчавшаяся в ата-

ку сотня казаков (прикрытие штаба корпуса). Видно было, как раненые и убитые казаки и их лошади отставали и падали на землю. Артиллеристы, когда расстреляны были все снаряды, пристреливали лошадей, бросали в реку Волькушки или в болото замки и панорамы от орудий и присоединялись к нашим цепям, пытаясь, как и мы, прорваться, но уже было поздно: кольцо сжалось. Со штыками на перевес бросились они на нас. Настал плен. Через несколько минут мы присоединились к общей группе попавших в плен офицеров XX-го корпуса. На опушке леса, всех нас встретил окруженный офицерами старший из немецких генералов напыщенной речью: «Все возможное в человеческих руках вы, господа, сделали: ведь, несмотря на то, что вы были окружены, вы все-таки ринулись в атаку, навстречу смерти. Преклоняюсь, господа русские, перед вашим мужеством». Он при этом отдал нам честь, держа руку под козырек. Этой встречной речью генерала наш плен был подслащен.

Когда наступил финал рокового боя, полковник Белолипецкий (наш руководитель по съемкам и тактическим задачам в училище) и пслк. Дрейер, не желая сдаться в плен, с несколькими солдатами углубились в гущу леса на болото и там спрятались от немцев. Убив сдину лошадь, они питались все время кониной и высидели в лесу почти две недели. Когда немцы отошли от Августовского леса, они все вышли из леса к своим и, таким образом, спаслись от плена.

Во время этих последних операций в составе XX-го корпуса у наших Виленцев были следующие потери: 1) подполк. Симоненко (106 пех. Уфимского полка) убит во главе своего батальона, прикрывая отход 27 пех. дивизии, 2) полк. Крикмайер, временно командуя 106 пех. Уфимским полком, был ранен и попал в плен (командир 1-ой роты Виленского военн. училища), 3) подпор. Чижик 114-го пех. Новоторжского полка был ранен и попал в плен (португей-юнкер 3-ей роты вып. 1913 года), 4) подпор. Биретто 106-го пех. Уфимского полка был ранен и попал в плен (юнкер 2-ой роты вып. 1913 г.) и 5) подпор. Врублевский 106-го Уфимского полка попал в плен (юнкер 2-ой роты вып. 1913 г.).

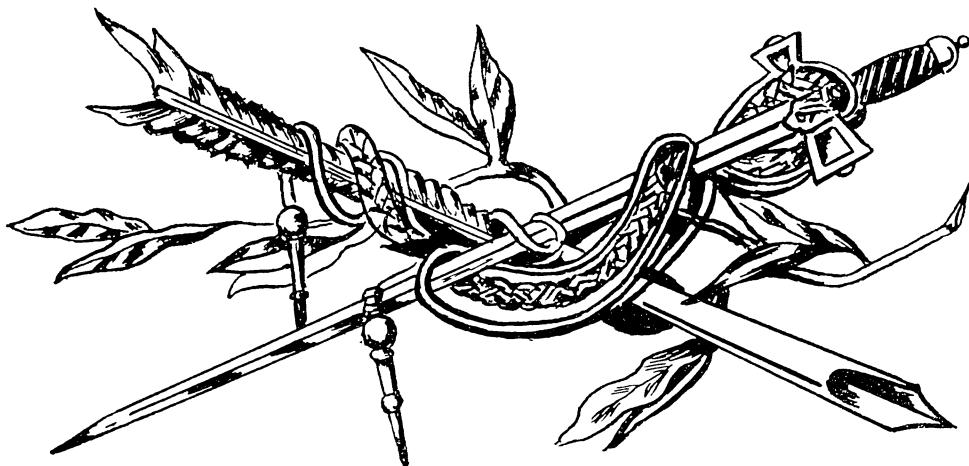
Прошло много лет и, казалось, все забыто. В 1935 году летом я случайно встретился с подполк. Успенским на литовском курорте в Поллангене. При встрече мы, конечно, разговорились и вспомнили о наших боевых днях в Восточной Пруссии, а также коснулись вопроса о гибели нашего XX-го корпуса. Я спросил подполк. Успенского, почему их главные силы оторвались от авангарда и пошли по другой дороге? Подполк. Успенский сказал мне, что они от нас не оторвались и тоже уже собира-

лись свернуть за нами в лес, но кто-то из старших начальников в колонне дал приказ не сворачивать и они пошли прямо по большой дороге, что и привело их к полной катастрофе!

Я лично уверен, что, если бы главные силы и арьергард пошли бы за авангардом, то безусловно, весь наш XX-ый корпус мог быть спасен, а немцам получился бы тогда большой конфуз! Полагаю, что само Провидение послало нам тогда того простого человека, взявшегося

проводить нашу колонну лесной тропой, и как жаль, что и другие войсковые части не последовали нашему примеру! Эта ошибка стоила нам одними лишь убитыми на поле сражения 7.000 человек. Очень жаль, что так случилось, но, как видно, такова была наша судьба или Божья воля.

Капитан З. Балтушевский.
(Виленец 2 роты вып. 1913 г.)

ОТ РЕДАКЦИИ.

Старый друг и постоянный сотрудник нашего журнала полковник французской службы Сергей Павлович АНДОЛЕНКО произведен в бригадные генералы.

Редакция журнала «ВОЕННАЯ БЫЛЬ» сердечно поздравляет дорогоего Сергея Павловича

с производством и от всей души желает ему много сил и здоровья для продолжения его высоко патриотической деятельности на пользу нашей родной военной истроии, которую, так блестяще он ведет уже много лет.

Алексей ГЕРИНГ.

Конная атака

(ВЗЯТИЕ БОЛЬШОЙ КАХОВКИ. 1920 г.)

Эскадрон кирасир Ее Величества уже сутки стоял в деревне Т., верстах в 5-ти от Б. Каховки. Было чудное раннее утро 1-го июля. Я стоял, прислонясь к дереву, недалеко от колодца с «журавлем», курил и наблюдал, как эскадрон поит лошадей. В это время я был старшим офицером в эскадроне. Хорошее было время: почти никакой ответственности, а инициативы можно было проявить много. (Ротмистр К. прибыл в полк раньше меня, а потому и был назначен командиром эскадрона.) Эскадрон заканчивал водопой. Вижу, как из ближайшего дома выходит командир эскадрона, направляется ко мне и, улыбаясь, говорит: — «Ротмистр, получено приказание выступать. Заканчивай поскорей водопой, строй, сажай эскадрон и веди его по направлению Б. Каховки к леску, знаешь, что находится до луга перед Каховкой. В этом леску находится штаб нашей кавалерийской бригады. А я сейчас расчитаюсь с хозяевами и догоню вас. Должен предупредить, что, прибыв на место, тебе придется явиться командиру бригады генералу Данилову, так как тебя временно прикомандировали офицером-ординарцем к генералу Барбовичу, у которого ты уже неоднократно таковым состоял и который непременно снова требует тебя».

Строю эскадрон и, вытянув по три, шагом выступаю. На ходу прошу вахмистра В. вызвать мне из строя того кирасира, который привез приказание из штаба. Ко мне подъезжает мой старый разведчик унтер-офицер Б. Спрашиваю его, есть ли какие новости. «Так точно, г-н ротмистр», тихо отвечает унтер-офицер: «конницу снова пустят в атаку на Б. Каховку». «Ты кому-нибудь говорил об этом в эскадроне?» — «Никак нет, г-н ротмистр». — «Отлично, и молчи».

Скоро нас нагоняет командир эскадрона с вестовым. А вот и лесок. Мы останавливаемся. Через деревья видно громадное поле, а верстах в трех намечается Б. Каховка. Командир эскадрона едет за дальнейшими приказаниями в штаб и скрывается в лесу. Тем временем, зная, что нам предстоит, строю взводную колонну, призываю людям осмотреть оружие и надеть на подбородок ремни. Возвращается командир эскадрона и сообщает: «Ген. Данилов отвоевал тебя у ген. Барбовича. За тебя поедет корнет Тимченко. Два дня тому назад Б. Каховка снова занята красными. Сегодня утром армейская кавалерия атаковала Б. Каховку с западной стороны, но атака была отбита. Сейчас атака бу-

дет повторена. Гвардейский Сводный полк: кавалергарды, кирасиры Его Величества, уланы Ее Величества и мы поведем атаку на восточную сторону Каховки. Наш эскадрон будет крайним справа. Ты будешь с 4-м взводом, резервом сзади, уступом вправо».

— Эскадрон, смирно! Строй фронт, шашки вон, пики в руку, шагом марш, в лаву!»

Встав на 4-й взвод, дав отойти другим трем взводам на взводную дистанцию, пошел уступом вправо. За мной двинулись две пулеметные тачанки. Так как расстояние до Каховки было основательное, то скоро пошли только рысью. (Влево были видны движущиеся другие гвардейские эскадроны.

Прошли мы немного больше половины луга, как красными по нас был открыт ураганный артиллерийский и также и пулеметный огонь. Эскадрон рванул галопом. Пока этот таракан производил только моральный эффект, так как снаряды рвались позади, а пулеметные пули взрывали пыль впереди. Эскадрон шел быстро, и, видимо, пулеметчики сокращали прицел слишком резко. Впечатление было такое — будто это мы подымаем взрываемую пулами пыль. Взглянув на эскадрон — идут хорошо. Ни убитых, ни раненых пока... Мой конек бодро скачет (но как я жалел, что не было у меня ни одной из прежних лошадей: «Слитка» — золотистого араба, «Красы» — золотисто-гнедого карабаха, или «Шайтана» — вороного в яблоках текинца, моего последнего партизанского жеребца, ранее принадлежавшего знаменитому разбойнику Иргашу! Не лошади, а ураганы это были). Впоследствии мне рассказывали, что по конной атаке палило 18 орудий и 24 пулемета противника. Легко раненых в атаке было 6, 1 тяжело раненый в живот, 1 убитый и 6 лошадей легко раненых — это у самой Каховки.

Но вот уже Каховка совсем близко и передо мной ясно очерчиваются справа крайние дома. Мне приходит мысль атаковать Каховку с правого фланга и, если возможно, зайти в тыл. Призвав свистком взвод к вниманию, направляю его круто вправо и полным ходом огибаю дома, поворачиваю в первую уличку налево и иду уже в тылу вдоль фронта. За мной скачут две пулеметные тачанки. Как только мы появились в параллельной уличке, я сразу услышал, что пулеметы, действовавшие на левом фланге красных, замолкли. Ага! Не даром значит забрался в тыл. Сократив аллюр, иду дальше. Скоро обозначилась стенка кладбища, а

вдоль нее выстроена рота пехоты красных. Резерв. Ближе к нам стоявший красный офицер выдвинулся и что-то хотел скомандовать роте. Приготовив шашку к рубке ринулся на офицера, но вахмистр, некоторое время скакавший со мною рядом, выскакивает вперед и в упор стреляет из револьвера в офицера, который, как подкошенный, валится. (В Великую войну ни один нижний чин не позволил бы себе определить офицера). В роте красных полное обалдение. Ни одна винтовка не поднялась. Подскочив к фронту роты, командую: «Сдавайтесь! Бросить винтовки!» — Повинуются. — «Кругом. Два шага вперед!» — Несколько моих всадников быстро спешиваются и подбирают винтовки. Назначаю четырех конных кирасир и отправляю пленных в наш тыл.

Тут только, оглянувшись, заметил, что у меня вместо одного взвода чуть ли не два с половиной. Надо сказать, что мне, в виде талисмана, сопутствовала во всех боях Крыма, в боковом кармане френча (а их было немало), в небольшой целлулоидовой коробочке маленькая живая морская черепашка «Ниночка», вывезенная мною из Грузии. В этот талисман люди эскадрона твердо верили и всегда жались ко мне, зная, что где «Ниночка», там все будет благополучно, считали ее неуязвимой. Вот когда 3-й взвод слева заметил, что я поворачиваю на правый фланг Каховки, то отделился от других взводов эскадрона и пошел за мною.

Отправив пленных, идем дальше все глубже в тыл. В первой поперечной улочке видим две брошенные пулеметные тачанки красных, а недалеко, на каменном заборе, пулеметчиков, стоящих с поднятыми руками. Сдаются. С одним кирасиром отправляю пулеметную прислугу догонять ушедшую пленную пехоту. Забираем с собой пулеметные тачанки и идем дальше. Посылаю вправо двух дозорных к Днепру (Б. Каховка тянется вдоль реки). В двух следующих улочках забрали еще четыре пулеметных тачанки, но уже брошенные — прислуга разбежалась. В это время ко мне подскакивает один из дозорных и взволнованно докладывает: — «Г-н ротмистр, красные текают, кто на лодках, а кто и просто вплавь». Посылаю к берегу одну свою пулеметную тачанку с приказанием немного пострелять по удирающим, а затем присоединиться ко мне. Пулеметная тачанка галопом исчезает в улице вправо, и очень быстро до нас долетает звук двух заработавших пулеметов. (Лихие были пулеметчики у нас в эскадроне!).

Тут у красных поднялась настоящая паника: кавалерия в тылу, а тут еще пулеметы палият. Далеко впереди было видно, как они перебегают улицу по направлению к реке. Еще улица влево, и мы видим в конце ее, ближе к лугу, лежащую лицом к нам роту красных. Поняв,

что нас горсточка, рота ощетинилась винтовками и принялась палить. Тут был убит мой любимый кадровыйunter-офицер, но мигом наша вторая пулеметная тачанка повернулась и открыла меткий огонь. Рота сразу сдалась. Пройдя немного дальше, мы натыкаемся на наши взводы с командиром эскадрона и на улан, которые отправляли в наш тыл взятых пленных и пулеметы. Вскоре мы узнали, что Б. Каховка взята. Атака на этот раз удалась.

Отправляя взятые нами пулеметные тачанки в тыл, назначаю за старшего добровольца-охотника, мальчика-еврея 19-ти лет. У нас в эскадроне их было двое. Оба безумной отваги бойцы. В виде напутствия говорю, шутя, еврейчику: «Борис, ты мне головой ответишь за сохранность пулеметов». — «Понял, г-н ротмистр. Пулеметы у меня отнимут, только перешагнув через мой труп». Позже узнал, что получился курьез. Борис подкатил пулеметные тачанки к начальнику бригады генералу Данилову и отрапортовал: «Ротмистр И. посыпает вам подарок, приказав мне стеречь пулеметы до их возвращения». — Генерал говорит: — «Вот и отлично. Пленных красных и две пулеметные тачанки я сейчас же дам Корниловцам». — Борис уперся: «Ни за что пулеметов не дам до возвращения ротмистра И.». — «Хорошо, хорошо», смеясь, говорит ген. Данилов, «я дам тебе расписку с печатью в получении пулеметов. Тогда от ротмистра тебе не попадет». — И, действительно, выдал расписку с печатью и подписью.

Когда меня послали за дальнейшими указаниями к ген. Данилову, направляясь в штаб, я проезжал с вестовым мимо перевязочного пункта, скрытого в лесу. Ко мне вышла миловидная сестра милосердия и сказала: «Вы ротмистр И., так вот вас увидел раненый вашего эскадрона и слезно просит, чтобы вы к нему подъехали». — Слезаю с лошади и иду за сестрой. Она меня подводит к телеге, на которой лежит, действительно, наш кирасир. Вглядываюсь — да это Сережа — второй еврейчик. Я его сразу и не узнал — так он изменился: осунувшийся, бледный, со всклокоченными выующимися, прилипшими к вспотевшему лбу волосами. Он оживился при виде меня. Поднимает на меня свои красивые, расширенные, скорбные, умоляющие глаза и тихим голосом, в котором слышатся слезы, говорит мне: «Г-н ротмистр, я так страдаю, мне так хочется пить, они мне не дают». — Взглядываю вопросительно на сестру: «Нельзя ему дать пить», качая хорошенкой головкой, отвечает сестра. В это время увидел доктора с засученными рукавами рубашки, у которого руки были все в крови. Он шел, видимо, мыться. Подхожу и спрашиваю: «Куда ранен кирасир?» — В основном двумя пулями». — Есть надежда? — Доктор устало покачал го-

ловой и выдавил из себя: — «Никакой, обреченный, часа два осталось жить». — Тогда возвращаюсь к сестре и прошу ее принести мне стакан воды — «на мою ответственность». — Скоро сестра возвращается, неся осторожно полный стакан воды. Выплюнув немного воды из стакана, наливаю из походной фляжки в него хорошую порцию рома. Раненый, благодарно взглянув на меня, принял ядно пить, стуча зубами о край стакана. Я держал стакан, а сестра поддерживала голову бедняги. Выпив содержимое, Сережа удовлетворенно вздохнул и чуть явственно прошептал: — «Спасибо вам, г-н ротмистр». — Он еще больше осунулся, побледнев и устало закрыл глаза. Чуть приподняв его голову одной рукой, другую пригладил ему волосы и, наклонясь, ласково спросил: — «Сережка, скажи, что бы ты еще хотел, чтобы я сделал?». — Сережа приоткрыл глаза и одними губами прошептал: — «Прощайте, г-н ротмистр». — Под моей рукой голова его стала холодеть, и через пять минут Сережи не стало. Мы с сестрой отвернулись друг от друга, чтобы не показать волнения. Поцеловал я Сережу в лоб и уехал.

Приехав в штаб, встретил кавалерийского

офицера, участника конной атаки, который мне рассказал, как им на левом фланге помогла конная батарея. Эта батарея (к сожалению, забыл название) шла галопом наравне с атакующей конницей. Прикрывшись складкой местности, лихо подскочила на прямой выстрел к мосту от Б. Каховки к Малой, охраняемому многими пулеметами и батальоном пехоты, снялась с передков, взяв на картечь, смела и пулеметы и пехоту, чем способствовала удаче второй за день конной атаки. Вскоре узнал, что корнет Тимченко тяжело ранен и эвакуирован. Это он поехал за меня к ген. Бабровичу. Попавший им в штаб бригады, чтобы узнать, как идут дела на нашем фланге, он въезжает в лесок, слезает с лошади, чтобы идти к ген. Данилову. В это время рвется снаряд и осколок попадает ему в ляжку, произведя отвратительную рваную рану, от которой он долго не мог оправиться. Правда, кость, к счастью, осталась цела. Мне же довелось участвовать в солидной конной атаке и оставаться невредимым! Кисмет. А все «Ниночка» — моя славная маленькая чепашка не раз и ранее меня хранившая...

Кн. А. Искандер

Еще об одной книге эпохи Отечественной войны

В октябре 1813 года одновременно в Лондоне, Эдинбурге и Дублине некий Джон Филиппарт выпустил в свет свой самый объемистый, двухтомный труд, озаглавленный: «Campaign from the common cement of the War in 1812 to the Armistice Signed and ratifie June 4th 1813». Эти редкие два тома украшены гравированными портретами Императора Александра I и Наполеона, пополнены всеми бюллетенями Наполеона за это время и двумя подробными расцвечеными картами, с нанесенными на них маршрутами обоих армий, от Немана до Москвы и обратно.

По прочтении этого труда, мысли читателя сосредоточиваются, главным образом, на контрасте между материалом, доставляемом в Лон-

дон состоящей при российской армии военной английской миссией и тем, как этот материал был обработан и преподнесен публике автором этой военной хроники.

Джон Филиппарт родился в 1784 году; по окончании Военной Академии он поступил в канцелярию военного министерства и одновременно занялся компилятивной военно-литературной деятельностью, выказав большую трудоспособность, издавая журнал «Военная Панорама». О созданном им себе положении как в обществе, так и в министерстве, свидетельствует то, что он 43 года состоял бессменным канцлером Ордена св. Иоанна Иерусалимского; он умер в 1874 году. Описываемый труд он посвятил герцогу Адольфу-Фридриху Кембридж-

скому, возведенному в чин генерал-фельдмаршала именно в 1813 г.; в посвящении автор дважды настаивает на том, что эти «огромной важности события» — описаны в «достоверных и беспристрастных деталях, при свойственном автору «независимом суждении». В предисловии же Филиппарт говорит, что он считает себя счастливым, ибо основывал свой труд «на источниках — доступных лишь очень немногим», и добавляет, что задача его была очень затруднена кратким периодом времени; действительно — закончил описания июнем 1813 г., а книга была выпущена через 4 месяца — в октябре того же года.

«Источники, доступные лишь очень немногим» — состояли преимущественно из донесений английской военной миссии при российской армии или, что почти то же самое, при Императоре Александре Павловиче. Уже с 1806 г. миссия возглавлялась сэром Робертом-Томасом Вильсоном (1774-1843); за какой-то «подвиг» в сражении при Прейсиш-Эйлау под командою Беннигсена Царь пожаловал ему орден св. Георгия! Уже в следующем году, достав в Петербурге из-под полы ультиматум — объявление Фессией войны Швеции (неизменной союзницы Англии) — Вильсон вызвал восторг в Лондоне, ибо сумел перегнать русского курьера; Вильсон был матерым агентом, научившимся своему делу и в Бельгии, и в Египте, и в Ирландии, Испании и Пруссии. — В его английской биографии читаем многопоучительные слова: ... «он имел значительное влияние на Царя и высказывал здравое и честное суждение о русских генералах»!! — о чем он впоследствии подробно писал в напечатанных после его смерти воспоминаниях.

О нескрываемой благосклонности к иностранцам со стороны Александра Павловича сообщают все современники и историки; но Царь и Вильсона особенно объединяла острыя неприязнь к Кутузову; вспомним хотя бы этот случай: 24 декабря 1812 г., в Вильне, выражая Вильсону благодарность за все его «письма», Царь прибавил: «Вы всегда говорили мне правду, которую я не мог бы узнать другим путем» (!!)... и продолжали в разговоре поносить Кутузова... Фельдмаршал все это давно знал, но он не позволил себе выслать из пределов армии Вильсона (как Константина Павловича и Беннигсена), ибо также хорошо знал об английских «субсидиях» и доставляемом оружии. — Штаб Кутузова делился на стоящих «за него», и бывших «против»; эти последние, разводившие непрестанные дряги и славшие в Петербург доносы, дошли до того, что послали в Петербург с каким-то требованием английского агента Вильсона!.. И Царь Вильсону поверил... а Вильсон слал свои денесения в Лондон.

А в труде Филиппарта нет ни намека на все

эти сплетни, наветы и доносы, ни на «влияние», ни на односторонние, эгоистические «суждения о генералах». Наоборот, — Филиппарт неизменно и неоднократно отзыается о Кутузове самым правдивым, благородным образом, так же как и о всем русском народе — например: «После Бородинского сражения у Кутузова осталось вдвое меньше людей, чем у Бонапарта; к 9 октября он имел уже 200.000 включая крестьян, стремившихся к нему и выполнявших ответственную задачу — расстраивая ряды убегавших врагов. Этот старый, высокочтимый генерал пользовался доверием всей армии и всего народа: его жизнь заключалась в ответственных услугах отечеству, его имя во всей Империи отожествлялось с «победой»; и тут — подстрочная выноска, напечатанная мелким шрифтом: «хотя он был главнокомандующим во время Аустерлицкого поражения и его военная репутация несправедливо пострадала в глазах Европы — сущая правда заключается в том, что последствия этого фатального события незаслуженно взвалены на него; весь план и его выполнение были несправедливо приписаны ему... а в т о р и т е т о м , с коим Кутузов не мог спорить...». Честь аустерлицкого поражения делят между собою Александр I и австрийский генерал»..

Филиппарт приводит мнение о русском солдате другого члена английской военной миссии — полковника Диллона: «Всеселое, слепое повинование — отличительная черта русского солдата. Все чувства, страсти постепенно меняющейся его натуры сводятся в конце концов к неуклонному исполнению его прямых обязанностей; русский солдат медленно подчиняется требованиям дисциплины, но, раз их усвоив, — он превращается в какое-то бездушное существо, не превзойденное ни одним примитивным творением; в отношении стойкости — русская армия стоит выше любой другой»... (и тут я оставляю заключения «чувствительного» англичанина — без комментариев. **В. Р.**). Упоминается еще один член той же миссии, состоявший при армии адмирала Чичагова — капитан 1-го гвардейского пехотного полка, молодой лорд гр. Гаприконель, умерший в Вильне 20 декабря 1812 г. от простуды, полученной во время преследования французов; по приказанию Кутузова он был похоронен со всеми воинскими почестями и ему был поставлен памятник. Среди 43 генералов армии Наполеона, взятых в плен до 26 декабря 1812 г., перечислены 9 поляков.

Но когда Филиппарт касается прошлого России, он проявляет невежество; так, повторяя за Вильсоном некоторые случаи из сражения под Пр. Эйлау, упоминается принимавший в этом бою участие... кн. Потемкин. Из «Мемуаров» того же Потемкина Филиппарт таким об-

разом описывает страничку из истории казаков: «Это он (Потемкин) подчинил России «питьонник» солдат (казаков), бывших до него лишь в номинальном подданстве и от коих было мало пользы. До него — казаки составляли добровольческую милицию, управляемую республиканскими законами; до Потемкина — никто не решался эти законы нарушить, но он их уничтожил. Он создал казачьи полки и подчинил их тем же законам набора, как и другие войска. Потемкин уважал казаков и был ими любим, так же как и Суворов». Затем следует «наставление»: «Но все же — только что организованные казаки — не то, чем они быть должны. Если русское правительство будет оказывать внимание казакам, — оно превратит этих умных, неутомимых, воинственных людей в свое главное орудие успехов на страхе врагам»...

Опять и опять возвращаясь к Кутузову, читаем: «Бородинское сражение — это победа русских и поворотный пункт в необдуманном вторжении Наполеона (на пути в Индию! В. Р.) в необъятные просторы России, погрузившие его и армию в гущу озлобленного народа, имея противником твердого, расчетливого, умудренного долгой жизнью, боевым и дипломатическим опытом — Кутузова, поддерживаемого ограниченным числом умных сотрудников и терзаемого недальновидными интриганами, во главе с побежденным под Аустерлицем Александром I и его семьей...».

Как мы видим выше, Филиппарт внес в свое военное сочинение некоторое разнообразие — отступления; русские, например, не позволяют измерить «Царь-пушку» из боязни, что иностранцы выльют пушку большего размера. По его словам, в следовавшем за французской армией обозе было много и разных ремесленников, столяров, каменщиков и даже — огородников (из Саксонии) с целью преобразовать захваченные «азиатские пустыни» в цветущие города и деревни, утопающие в садах...

Наконец, Филиппарт затрагивает тему несколько разъясняющую цель им преследуемую: «Британцы, всегда либеральные в отношении страждущего патриотизма, — не могут безучастно относиться к несчастьям, свалившимся на русских крестьян и солдат. Пожертвования текут в Петербург, шлет их все наше население с членами Королевского дома во главе; нами учреждены в России комитеты, зада-

чей коих является установление убытков, понесенных к а ж д ы м (?! В.Р.). Не только человеколюбие, но и политика требуют от Великой Британии оказания помощи народу, так пострадавшему за умиротворение всего континента. Ни одна нация не проявила еще подобного духовного подъема... Благородное поведение русских зажгло факел свободы и произвело трещину в тирании над Европой... оно разрушило **континентальную** систему и снова открыло путь британской мануфактуре в Балтийское море; оно разорвало цепь, сковавшую **британскую торговлю и благосостояние**. Устроенные в нашей стране митинги постановили оказать русским помощь...» и т. д. (Нет ли статистических данных, указывающих в скольких фунтах проявилась эта британская благотворительность... в отношении «каждого»? В. Р.).

Итак — вопреки своим убеждениям, повинуясь солдатской дисциплине, Кутузов повел обновленную свою армию за пределы границ освобождать Европу, к неописуемой радости всех Вильсонов, и скоро — умер! Мавр сделал свое дело, а Филиппарт не нашел нужным углубляться в злые, шкурные наветы Вильсона. Но не при его ли содействии (т. е. Филиппарта) была отчеканена в Англии медаль (единственная!) — в честь Кутузова?

Владимир Рихтер

В «Русском Инвалиде» от 27 июня 1824 г. читаем: «В среду 23-го с. м. скончалась здесь, ко всеобщему сожалению, княгиня Катерина Ильинишна Голенищева — Кутузова — Смоленская, урожденная Бибикова, Двора Их Императорских Величеств штатс-дама, и орд. св. Екатерины кавалериственная дама».

В 1950 г. в одной польской газете мы прочли, что в деревне Тыменов, Болеславецкого уезда (в польской Нижней Силезии), то-есть в бывшем немецком Бунзлау, стоит мавзолей, в котором, в золотой урне, возлежит сердце Кутузова; деревенская молодежь поддерживает порядок, так же как и на близко расположенным кладбище, где похоронены русские солдаты. Как могло случиться, что тело фельдмаршала было впоследствии перевезено в Казанский собор в Петербурге, а сердце осталось за границей?

В. Р.

«Полковник Преображенский»

«Он Бог, он Бог твой был, Россия»
(Ломоносов)

Два гения Русской Земли, Суворов и Пушкин, оставили свое мнение о Петре. Суворов боготворит его память, поражается его уму, называет его Прометеем, благодетелем народа, говорит, что Петр содержит в себе многих величайших государей и советует

иностранным изучать русский язык, чтобы познакомиться с исключительным гением Петра. «Всю жизнь носил я кокарду Петра Великого», сказал он на закате своей жизни. Пушкин пишет:

«Я еще не мог доселе постичь и обнять вдруг этого исполина. Он слишком огромен для нас, близоруких, и мы стоим еще к нему близко, надо отодвинуться на два века, но постигаю его чувством. Чем более его изучаю, тем более изумление и подобострастие лишают меня средств мыслить и судить свободно».

Тоже говорит и Белинский:

«Петр Великий есть величайшее явление не нашей только истории, но истории всего человечества. Он божество воззвавшее нас к жизни, вдохнувшее душу живую в колосальное, но поверженное в смертную дремоту тело древней России... Петру Великому мало конной статуи на Исаакиевской площади, алтари должно воздвигать ему на всех площадях и улицах великого царства русского...»

Вместе с товарищами его детских игр. Потешными, пробуждался Петр к сознательной жизни. Вместе, братски, плечом к плечу, несли они службу с самых скромных солдатских чинов, вместе шли под пули, вместе создавали величественное здание Империи. В тесном кругу Преображенцев и Семеновцев, под водительством Петра, разрабатывался железный закон новой России.

Петр родился убежденным солдатом, убежденным слугой России. Первая заповедь самодержавнейшего из всех русских царей была та, что не Россия служит Царю, а Царь служит России. «А о Петре ведайте, что жизнь ему не дорога, жила бы только Россия...», напоминал он накануне Полтавского сражения.

Он понял, что если не будет прорублено окно в Европу, то Россия, рано или поздно, потеряет свою независимость и попадет в немецкое или турецкое рабство, как остальные славянские народы, и он круто повернул Россию на новый путь, против воли народа.

Монарх не только неограниченный, но деспотичный, он посвятил всю свою жизнь, свой гений и свою энергию, на служение идее, которая его одухотворяет — величие и благосостояние русского государства.

Службе государству должно быть все принесено в жертву: здоровье, силы, семья, личные выгоды и даже жизнь. Все, что полезно государству, должно развиваться, все, что пагубно, безжалостно уничтожаться — излишества, как делаемые в ущерб главному — также.

На службе государству все равны. Петр не допускает никаких привилегий, кроме тех, которые заслужены личной службой. Рядовой должен слепо повиноваться офицеру, но если офицер может застрелить солдата бегущего с поля брани, то и солдат имеет право убить офицера, забывшего свой долг.

Б основу угла возводимого им величественного здания Русской Армии, он ставит честь. «Через оружие домогаются чести», пишет он в уставе 1716 г. Великие духовные начала одухотворяют его деятельность:

«Воины, вы не должны помышлять, что сражаетесь за Петра, но за Отечество, Петру врученное, за род свой, за Православную веру и Церковь. Имейте в сражении перед собой правду и Бога, защитника вашего...»

В выборе сотрудников Петра ничто не входит в расчет, кроме заслуг и ценности личности. Среди Преображенцев Петровского времени, отличенных полным доверием Царя — главная масса, естественно, дворяне, но есть среди них и купцы и мужики и иноземцы, даже евреи и арабы. Шереметев — потомок древнего боярского рода, Меньшиков — простой мужик, а Брюс — иностранец. Не безразлично ли происхождение, если эти люди лучше других служат России.

Железной рукой держал Петр врученный ему скипетр и строго, подчас жестоко, карал он тех, кто противился его реформам. Он знал, что для России слабость власти смертельна.

«Слабый начальник готовит себе смерть и гроб отечеству».

После приговора Царевичу Алексею, он записал:

«Страдаю, а все за Отечество. Желаю ему

полезное, но враги демонские пакости деют. Труден разбор невинности моей тому, кому дело сие неведомо. Един Бог зрит правду».

Здесь не место рассматривать всю много-гранную деятельность Петра, но через Потешных создал он регулярную русскую армию, главнейшее из его достижений. Вот, что, по запискам Посошкова, представляли из себя вооруженные силы Московского государства до реформ Петра.

«...У пехоты ружье было плохо и владеть им не умели, только боронились ручным боем, копиями и бердышами и то тупыми, а на боях меняли своих голов по три, по четыре и больше на одну неприятельскую голову. На конницу смотреть стыдно, лошади негодные, сабли тупые, сами скудны, безодежны, ружьем владеть не умеют, иной дворянин и зарядить пищали не умеет.

«Убьют двоих или троих татар и дивятся, ставят большим успехом, а своих хоть сотню положи — ничего. Нет попечения о том как бы неприятеля убить, одна забота, как бы поскорее домой. Молятся: дай Боже нажить рану легкую, чтобы немного от нее поболеть и от великого Государя получить за нее жалование. Во время боя того и смотрят, где бы за кустом спрятаться; иные целыми ротами прячутся в лесу, выжидают, как пойдут ратные люди с бою. Многие говорят: «дай Боже Великому Государю служить, а саблю из ножен не вынимать».

В предисловии к уставу 1716 г. Петр писал, что русская армия, до реформы «не точию с регулярными народы, но и с варварами, что ни против кого стоять могла, яко о том свежая еще память есть, что чинилось при Чигирине и Крымских походах, умалчивая старее...» Сыну, он писал:

«Небезизвестно тебе, сын мой, о чем свету явно, а именно какую нужду перетерпевал от насилиств шведских народ наш по завладении им многих приморских наших городов и отнятии у нас всякой с другим народом коммуникации...

«В регулярстве войск наших сила к побеждению того вредительного неприятеля, так что где мы наперед сего трепетали перед ним, то он вострепетал ныне от лица нашего... создав регулярную армию, вышли мы из тьмы, в которой были погребены...»

И Петр вдохнул в войска свой мужественный дух, дух безуговорочной преданности высшим интересам Государства, он облагородил и уточнил инстинктивную любовь к родине, открыв своим подданным жизненные задачи России. Всем примером своей жертвенной жизни, он убедил их в своей правоте, сделал из них своих последователей. Вот почему, после его смерти, армия, и раньше всего, конечно, полк

Петра, останется тенью Петровой, тем непреоборимым щитом, который прикроет Россию в критические годы временщиков, Бироновщины и господства немцев.

«Не тут то было, тень Петрова
стояла грозно меж вельмож,
Что было, не вернулось более,
Россия двинулась вперед».

Много злостных или близоруких недоброжелателей было и будет у памяти Петра. Не с религией боролся Царь, а с ханжеством и недостойным духовенством. Не с прошлым России он рвал, а с косностью, темнотой, ленью и глупостью. Не дворянство он преследовал, а местничество, чванливость, злоупотребления... а если, в пылу дела, и случалось ему и грешить и «перебарщивать», то ведь был он живым человеком, со всеми буйными человеческими страстями. Не это ли он подразумевал, когда незадолго до смерти сказал:

«Из меня познаете, какое бедное животное есть человек».

В армии и народе долго пели одну песню посвященную Петру. Много в ней любви, много и горести по случаю его кончины.

«Ах-ты батюшка, светел месяц.
Что ты светишь не по старому,
Не по старому, не попрежнему,
Все ты прячешься за облаки,
Закрываешься тучей темною.
Что у нас было на Святой Руси,
В Петербурге, в славном городе,
Во соборе Петропавловском,
Что у правого, у крылоса,
У гробницы Государевой,
Молодой солдат на часах стоял.
Стоючи он призадумался,
Призадумавшись он плакать стал,
И он плачет, что река льется,
Возрыдает, что ручья текут,
Возрыдаючи он вымолвил:
Ах ты матушка, сыра земля,
Разступися ты на все стороны,
ы раскройся, гробова доска,
Развернися ты, золота парча,
И ты встань, проснись, Православный Царь.
Посмотри, сударь, на свою Гвардию,
Посмотри на всю армию.
Уже все полки во строю стоят,
Все полковники при своих полках,
Подполковники на своих местах,
Все майоры на добрых конях,
Капитаны перед ротами,
Офицеры перед взводами,
А прашерщики под знаменами,
Дожидают они полковника,
Что Полковника Преображенского,
Капитана Бомбардерского».

С. Андоленко

О войсковых регалиях Сибирского казачьего войска

Официальное старшинство Войска с 1582 года декабря 6-го, когда посланный Ермаком Атаман Иван Кольцо с товарищами поклонился Иоанну Грозному Царством Сибирским.

Войско выставляло:

Гвардейскую полусотню
Лейб-Гвардии в Сводно-Казачий полк.

1-ый Сибирский казачий Ермака Тимофеева полк.

Ведет основание с 1850 года. **Полковое знамя** простое «1582 - 1909» с Александровской лентой, пожалованное в 1909 году. Две Георгиевские серебряные трубы (в 4-ой сотне) «За дело при селении

Хаккихават» в 1875 году», пожалованное в 1876 году. **Знаки отличия на головные уборы** (в 1-ой и 2-ой сотнях) «За штурм города Андижан 1-го октября 1875 года», пожалованные в 1876 году.

Вечный Шеф полка (с 1882 года) Ермак Тимофеев (Тимофеевич). (По описанию историка Карамзина: «Ермак был видом благороден, савновит, росту среднего, широк плечами; имел лицо плоское, но приятное, бороду черную, волосы темные, кудрявые, глаза светлые, быстрые...»).

2-й Сибирский казачий полк.

Ведет основание с 1808 года. **Полковое знамя** простое «1582-1909» с юбилейной Александровской лентой, пожалованное в 1909 году.

3-й Сибирский казачий полк.

Основание полка и знамя тождественные со 2-м полком.

Обще-Войсковые Регалии.

Знамя Войсковое Георгиевское «Доблестному Сибирскому казачьему войску за отлично-усердную службу», «1582-1903» с Александровской юбилейной лентой, пожалованное в 1903 году.

Знамена полковые.

Кроме трех простых знамен (первоочередных) полков, Войско имело полковые (второй и третьей очереди):

Четыре Георгиевских знамени За отличие в войну с Японией в 1904-1905 г.г., пожалованные в 1906 г. 4-му, 5-му, 7-му и 8-му полку.

Одно простое знамя (бунчук), пожалованное в 1809 г. — 9-му полку.

Знамена старые:

Семь простых знамен (бунчуков полков Сибирского линейного казачьего войска — №№ 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7 и 8-го, пожалованных в 1809 году. **Знамя «Лета 1798** Июня в 20-й день по указанию Великих Князей Иоанна Алексеевича и Петра Алексеевича всяя Великия и Малая и Белая России Самодержцев построено», принадлежало **Томскому городовому казачьему полку** и, по преданию, привезено из города Бийска Войсковым Начальником Майором Бардиным в 1779 году.

«Знамя Ермака с изображением с одной стороны Святого Димитрия Солунского, принадлежало ранее **Тобольскому казачьему пешему батальону**.

Войсковой Клейнод. Атаманская насека «Насека Сибирского казачьего войска 1904 года», пожалованная в том же году.

Стяг 1-й Сибирской казачьей дивизии (позднее Стяг Сибирского казачьего полка), пожалованный 1-й дивизии 5-м Войсковым Кругом в городе Омске 18-го мая 1919 года.

(Переименованный в Стяг Сибирского казачьего полка 9-го сентября 1920 года на станции Ага Забайкальской жел. дороги).

На стяге на серебряной пластинке надпись: «I Сибирская казачья дивизия. 18. мая 1919 года. г. Омск», а ниже: «Сибирский казачий полк. 9. сентября 1920 года. Станция Ага Заб. ж. д.

Сотник Е. М. Красноусов

Мальтийские святыни

Еще будучи Наследником Российского Престола, Великий Князь Павел Петрович питал особое уважение к древнему Ордену Св. Иоанна Иерусалимского (Мальтийских рыцарей), как к ревностному защитнику христианства на востоке.

Вступив на престол, Император Павел I, внимая горячим просьбам этих рыцарей, беспощадной волной французской революции изгнанных с их острова Мальта, 4 января 1797 года принял Орден под свое покровительство, а позднее, 29 ноября 1798 года, по избранию, принял достоинство и сан Великого Магистра и Покровителя Ордена Св. Иоанна Иерусалимского.

На торжественной аудиенции, в этот день, депутаты Ордена поднесли новому Венценосному Великому Магистру корону, меч, орденские знаки и прочие регалии Державного Ордена. Этот исторический акт увековечен в Полном Собрании Законов Российской Империи том XXV 1798-1799 гг.

Трагическая кончина Государя Павла Петровича, погибшего от руки убийц в ночь с 11 на 12 марта 1801 года, навеки унесла в могилу секрет Императора-Рыцаря: по каким соображениям Помазанник Божий Православный Государь Император всея России решился на этот, исключительный по своему значению, акт, поразивший тогда современников. Как известно, рыцари Мальтийского Ордена были верны Латинству и обету безбрачия.

12 октября 1799 года Мальтийские рыцари поднесли Императору издревле хранимые ими святыни — чудотворную икону Филермской Божией Матери и правую руку мощей св. Иоанна Крестителя. По Высочайшему Повелению эти реликвии были тогда же поставлены в Гатчинской дворцовой церкви. В день бракосочетания Великой Княжны Елены Павловны эти святыни были перенесены в Петербург, в Зимний дворец, и помещены в придворной церкви. Впоследствии установилась традиция — ежегодно 12 октября переносить эти святыни в Гатчину, где они и пребывали до 18 октября. Наша Православная Церковь 12 октября 1800 года установила праздник Крестителю Господню и

Иконе Божией Матери Филермской в память их перенесения с Мальты в Гатчину.

По имеемым официальным данным эти святыни имеют следующую историю: «в конце XV века султан Баиязет или Беазид, уважая мужество и благочестие Великого Магистра Ордена Родосских или Мальтийских рыцарей Петра Обюссона, в знак дружества с ним и надежды на него, прислал к нему десную руку, которая хранилась сначала на острове Родос, а потом, когда сей остров завоеван был турками, на острове Мальта».

Икона Богоматери — «эта икона, известная под именем Одигитрии Филермской, по сказанию древнего предания, написана св. Евангелистом Лукою и, впоследствии, перенесена в Иерусалим, а оттуда в Константинополь, где была с честью поставлена во Влахеренской церкви. Отсюда святая икона Одигитрии взята была западными христианами в XIII веке, когда они овладели Константинополем, после доссталась рыцарям Иоанна Иерусалимского, которые принесли ее с собой на Родос. По завоевании этого острова турками рыцари переселились на Мальту и сюда перенесли Филермскую икону».

Исторические этапы самого Ордена, вкратце, таковы: Орден рыцарей Св. Иоанна Иерусалимского возник в 1099 году, когда крестоносцы завоевали Иерусалим. По обратном взятии Иерусалима в 1188 году Саладином, рыцари, первоначально, переселились в Акру, а в 1310 году на строи Родос. Под давлением Солимана, в 1522 году, Орден перешел на Мальту, где окончательно и обосновался в 1530 году. Пребывал он там до 1798 года, когда, как выше сказано, поступил под защиту и под покровительство Российского Императора.

В лице Императора Павла I, Провидение послало этим потомкам крестоносцев редкого Царственного покровителя, верно преданного заветам, истории и традициям Ордена. Гроссмейстер Ордена — Государ жаловал Мальтийский крест, как высшую награду за заслуги перед Россией, а особенно за боевые отличия и дела. Как известно, в его царствование не было ни одного награждения Орденом Св. Георгия. За Итальянский поход 1799 года орденом Св. Иоанна были награждены Генералиссимус А. В. Суворов и ряд отличившихся Российской службы генералов и офицеров.

Капитул Державного Ордена Св. Иоанна был помещен в исторических стенах постройки Растрелли, на Садовой улице, на месте бывшего дворца Императрицы Елизаветы Петровны, из которого в 1741 году Государыня произвела

дворцовый переворот. Это здание было построено для вице-канцлера графа М. И. Воронцова-Дашкова и перекуплено, впоследствии, Императрицей Екатериной II. По кончине Императора Павла I, в это здание, в 1810 году, был переведен Пажеский Е. И. В. корпус и в стенах его была освящена церковь во имя Св. Пред-

течи и Крестителя Господня Иоанна. Храмовой праздник церкви Пажеского корпуса 24 июня был в один день с таковым же старинного храма Первого кадетского корпуса, помещавшегося во дворце Меньшикова, на Васильевском острове.

Глеб Бенземан

Хроника «Военной Были»

ТВЕРСКОЕ КАВАЛЕРИЙСКОЕ УЧИЛИЩЕ В БОРОДИНЕ

С целью приучения юнкеров к походной жизни и уходу за лошадьми, Тверское кавалерийское училище выступило походным порядком в лагерь под Москвой. Не помню точно года, когда это было, помню только, что в том году было решено воспользоваться походом, чтобы осмотреть в подробностях Бородинское поле. Накануне выступления юнкерам был сделан подробный доклад о Бородинском сражении.

После молебства, под звуки трубачей, эскадрон выступил из Твери и во время восьмидневного похода остановился бивуаком на берегу реки Колочи, близ самого села Бородино.

На следующий день, утром, юнкера, в пешем строю, отправились в Спасо-Бородинский монастырь, где прослушали обедню, по окончании которой, в небольшой церкви, построенной на одной из Семеновских флеший, внутри монастырской ограды, была отслужена панихида по воинам, павшим на Бородинском поле.

Позавтракав, эскадрон, в конном строю, развернулся перед памятником на батарее Раевского, под которым покоятся прах Багратиона. Была снова отслужена панихида, после чего, юнкера повзводно, под руководством преподавателей училища, осматривали все поле сраже-

ния. Вечером желающие были отпущены для осмотра Домика Инвалидов, в котором хранились два плана Бородинского боя и книга для расписывания посетителей. Первая в ней подпись была Императора Николая I.

На следующие утро училище продолжало свой поход в Москву, сделав в общем, походным порядком около 300 верст.

Николай Кузнецов

ПИСЬМО, КОЕГО СЛОГ КОРОТОК И ЗАБАВЕН

«Батюшка! я Вам пишу сегодня, которое есть понедельник, через письмоносца, который будет во вторник, он приедет к Вам в среду; Вы получите мое письмо в четверток, пришлете мне денег в пятницу, поеду я в субботу, чтобы быть у Вас в Воскресение».

Кадет Чипсов 28 декабря 1790 года.

Из т. V «L'Aurore de mille et une semaine». Рукописной библиотеки Музея Первого кадетского корпуса.

Из журнала «КАДЕТСКИЙ ДОСУГ»
№ 8 — 1906 г.

ИСКЛЮЧИТЕЛЬНЫЕ НАГРАДЫ

Генерал-Фельдмаршал Светлейший Князь Александр Данилович Меншиков имел две, исключительные в истории России, награды: Императором Петром 11, в 1727 году, он был пожалован чином Генералиссимуса и, кроме того, являлся единственным из особ мужского пола, Кавалером дамского Ордена Святой Екатерины.

Сообщил Глеб Бенземан

КАДЕТСКИЙ ЖУРНАЛ

(историческая справка)

В 1755 году, Академия Наук начала издание журнала «Ежемесячные сочинения к пользе и увеселению служащие». Журнал этот являлся официальным учреждением, в котором редактор и постоянные сотрудники, выбранные из студентов университета, получали определенное жалование. На помочь этим писателям по желанию являлся литературный кружок из кадет, единственного в то время, Сухопутного Шляхетного корпуса. Кадеты Сумароков, Елагин, Херасков, Порошин и Нартов в изобилии поставляли в журнал стихи, чем оживили его, до этого времени состоявшего из сухих исторических и переводных статей.

В 1759 году, те же кадеты предприняли издание первого, частного в России журнала «Праздное время, в пользу употребленное». Этот журнал, печатавшийся в типографии корпуса, просуществовал два года, выходя еженедельно. Из исторических статей была помещена только одна, и стихотворений, несмотря на то, что в академический журнал поставляли те же кадеты, которые сотрудничали и в «Праздном времени...», было очень мало. Как вся литература того времени, журнал наполнялся статьями переводными, причем, многие переводы свидетельствуют о недостаточном знакомстве переводчиков с иностранными языками. Стиль этих сочинений тяжел, хотя переводчикам большую частью удавалось удачно переводить философские произведения и тем создать русский философский язык. Сочинения, помещенные в первый год издания журнала, написаны на темы обще и отвлеченно-эпические. Во второй же год, кадеты занимаются вопросами, интересовавшими литературу Екатерининской эпохи. Во главе этих вопросов стоит вопрос «о позволении Сатиры».

Одновременно с «Праздным временем...», кадет Сумароков издавал особый журнал «Трудолюбивая пчела». Этот журнал просуществовал всего один год; содержание его богаче оригинальными статьями и стихотворениями. Выбор переводов здесь также разнообразнее и даже

есть классики. Стиль этих переводов легче переводов «Праздного времени...».

Другой сотрудник кадетского журнала Херасков, при переезде в Москву, перенес туда и издание своего журнала «Полезное увеселение», просуществовавшее три года (1760-1763).

Два его сотрудника, в свою очередь, выступали, последовательно, с собственными журналами (Богданович с «Невинным упражнением» в 1763 году и Сенковский с «Добрый намерение» в 1764).

Таким образом, наш корпус являлся рассадником русских журналов.

«Кадетский Досуг» журнал Первого к. к № 7 1906 года.

Г. Терне 1-й

ИСТОРИЯ ПРОИСХОЖДЕНИЯ МАРША КИРАСИР ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА

По окончании одного из парадов полкам гвардии, составившим впоследствии 1-ую гвардейскую кавалерийскую дивизию, Император Николай Павлович поднялся к себе в кабинет в Зимнем Дворце и, стоя у окна, смотрел как его кирасиры проходили через Дворцовую площадь, в направлении Арки Главного Штаба. Перед прохождением под аркой, командир полка скомандовал «Стой». Стоя у окна, Государь машинально продолжал напевать и выстукивать по стеклу окна поданный сигнал «Стой — равняйсь — стой».

Через некоторое время, Император изъявил желание, чтобы был написан марш его полка и чтобы он начинался нотам этого сигнала. Пожелание Государя было исполнено и прекрасный марш лейб-гвардии Кирасирского Его Величества полка начинается звуками именно этого сигнала.

Еще в мирное время офицер полка, хранитель нашего музея, извлек это сведение из хранившихся в архиве документов.

Полковник Сергей Сафонов

От Редакции.

В свое время, на страницах «Военной Были» уже были отмечены происхождение маршей Кирасир Ее Величества и Конной артиллерии. Было бы очень желательно, чтобы офицеры полков, имеющие сведения по этому вопросу, поделились бы ими с читателями журнала. Следует помнить, что в истории нет мелочей и ненужных вещей. Будущий читатель собранных нами материалов будет только благодарен нам за это.

Алексей Геринг

ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ

До нас, русских людей, живших в Югославии и других странах, порой доходили слухи о тяжелой, полной опасностей, службе русских в Иностранных Легионах — французском и испанском. Мы слышали также о том, как эти бывшие офицеры Российской Императорской и Добровольческой армий самоотвержено выполняли свой воинский долг, умирали, но не сдавались, взрывали свои укрепления, погибая сами, словом, были достойными потомками своих славных предков. Но, к сожалению, мало кто знал обо всем этом, а кто и знал, тот, постепенно, забывал имена, интереснейшие подробности этих славных дел. Самое же главное — люди старятся и свидетели постепенно покидают этот мир. Смены же нам, как и им, нет, как правильно заметил в своем Обращении А. А. Геринг.

И вот, мне пришла мысль обратиться ко всем служившим в этих Легионах с просьбой, как-нибудь начать собирать драгоценный материал, касающийся службы русских в этих частях. Не надо забывать, что эта работа является своего рода долгом перед памятью доблестных русских легионеров. Надо думать, что в Париже и Мадриде существуют военные архивы, которые могли бы послужить источником для этой работы. А когда материал будет собран, найдется тот, кто его обработает и напишет историю службы русских в Легионах, которая, безусловно, внесет новые страницы, полные примеров проявления высокой доблести, в славное прошлое русских воинов.

Только тот народ заслуживает великого будущего, который знает и чтит свое великое прошлое.

Б. Чуйкевич

К СТАТЬЕ «О ВОЕННЫХ ОРКЕСТРАХ»

В 1912 году, мне, тогда молодому корнету 13 гусарского Нарвского полка, довелось быть участником ночного маневра, в котором сторонами были два эскадрона нашего полка и две роты 70 пехотного Рязанского, входившие в гарнизон города Седлец. Маневр закончился к полночи и наши части были подтянуты к шоссе ведущему на Седлец.

Оркестр Рязанского полка, пришедший вместе с ротами, построился на шоссе и приготовился играть.

После шума и сигналов «отбоя», вдруг наступила полная тишина. Полная луна озаряла своим таинственным светом построившиеся части конницы и пехоты, и вдруг эту полную, таинственную тишину разорвали бравурные звуки марша! Я, до сих пор, помню, какое сильное впе-

чатление произвел тогда на меня этот марш, мощные звуки которого как бы говорили о моем назывался «Вступление в Париж».

С тех пор прошло пятьдесят лет! На днях пансионеры нашего старческого дома купили электрофон и пластинку со старыми немецкими военными маршами. Каково же было мое удивление, когда, поставив немецкий марш «Фербеллине-Рейтер марш», я услышал хорошо мне известные звуки нашего марша «Вступление в Париж». В серьезной музыке я разбираюсь плохо, но слух у меня хороший, я, например, отлично помню марши всех полков нашей 13-й кавалерийской дивизии. Потому я был удивлен еще больше, когда, поставив марш «Дер Хохенфрид», я услышал родные мне звуки марша нашего 13 драгунского Военного Ордена полка. Этот же марш принадлежал и Конной Артиллерии и 10 уланскому Одесскому полку и наигран на нашей пластинке №2.

Невольно вспомнился мне ночной маневр в Седлеце 1912 года и... стало грустно.

Н. Аладьин

ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ

Ознакомившись со статьей Г. М. Гринева «Еще о русских военных оркестрах и маршах» («Воен. Быль» № 58), я, в дополнение к моей заметке о статье П. Ф. Волошина на ту же тему («Воен. Быль» № 56) позволю себе многое написанное в этой статье опровергнуть.

Название «хор трубачей» в кавалерийских полках существовало вовсе не потому, что таковой не был предусмотрен штатами, как «не полагавшийся полкам нашей конницы». Обратимся хотя бы к последнему выпуску «Руководство для адъютантов» В. Н. Зайцева (Изд. В. Березовского, 1915 г.). Там, в главе X-й («Музыкантский хор») сказано: § 1 — «В каждом пехотном полку содержится музыкантский хор из 54 человек...»; § 2 — «В музыкантских хорах **кавалерийских полков** (подчеркнуто мною) инструменты положено иметь и т. д...» — идет перечисление каких, сколько и в каком тоне должно иметься 35 инструментов. (Приказ по Военному Ведомству за № 201, 1883 г.); § 3 — «Четвертым полкам дивизий, стрелковым, саперным, **кавалерийским** (подчеркнуто мною) и артиллерийским частям иметь хоры исключительно медные (По Высочайшему указанию подтверждено Главн. Управл. Ген. Штаба 4-го июня 1911 г., № 7978). Кавалерийский строевой Устав 1912 года, как и предыдущие старые издания, многими параграфами подтверждает, что хоры трубачей именно «полагались». Возьмем хотя бы § 251, где на стр. 126 сказано: «...Хор трубачей первоначально строится в две

шеренги на правом фланге полка на интервале 8 шагов от правофлангового эскадрона и т. д...»

Не говорит ли все вышеизложенное о неоспоримости того, что полкам нашей конницы хоры трубачей полагались, для чего и были установлены вышеупомянутые штаты и табели.

Поэтому «хор трубачей» вовсе не является «выходом из положения», как это трактует Г. М. Гринев. Дело в том, что само слово «хор» — название старинное и означает собой «одновременное собрание людей для исполнения вокальных или инструментальных произведений вместе или по отдельности». Таковыми являются: мужской хор, женский хор, смешанный хор, хор музыки в составе деревянных и медных инструментов, хор барабанщиков, хор гусляров и т. д. Правда, у нас в России часто называли воинские хоры музыки «духовыми оркестрами» или «оркестрами духовой музыки», но это было неправильно.

Что касается трубачей-сигналистов (22 человека в 6-ти эскадронном составе полка), то, за редким исключением, все они одновременно являлись и музыкантами хора трубачей. Пополнение до предусмотренной штатом нормы в 35 музыкантов, производилось: а) из личного состава нижних чинов полка, до призыва на военную службу бывших музыкантов. За таким «элементом» каждый адъютант любой нашей воинской части «охотился» при прибытии новобранцев; б) из числа кончивших срок службы музыкантов и желавших остаться на сверхсрочную службу; в) из кантонистов или школы солдатских детей, коих специально обучали игре на духовых инструментах; г) из числа чинов строевого состава части, выразивших желание и оказавшихся способными выучиться играть; д) наконец, из вольнонаемных музыкантов «со стороны» по контракту.

Что касается серой масти лошадей для хора трубачей, то таковая масть была отменена приказом по Военному Ведомству за № 20750, 20-го ноября 1902 года, которым всем трубачам кавалерийских полков было предписано иметь лошадей масти своего полка. О сохранившихся серых лошадях хора трубачей Белорусских гусар, говорить не могу, ибо не знаю.

Все трубачи-сигналисты игравшие на «легких и негромоздких» инструментах в хоре трубачей, как на: корнетах, трубах, альтах, валторнах и не дальше теноров (и то не всегда), становясь в строй эскадронов, всегда, кроме сигнальных труб, имели за спину закинутыми вышеупомянутые инструменты. Естественно, подавать сигналы на живых аллюрах имея за спиной баритон, а тем более трубу длиною в добрых полтора аршина, думаю, было очень не уютно и штаб-трубача славных Белорусских

гусар надо пожалеть за его форменное геройство.

Меня также не мало поразило, как пишет Г. М. Гринев, что «Может быть было это только в Белорусском гусарском полку» — имевшем 22 георгиевских и 22 серебряных трубы за боевые отличия, что не только на сигнальных трубах, но даже георгиевские ленты «по обычаям одевались и на трубы оркестровые!». У меня совершенно не укладывается: как можно было эти ленты, пожалованные на трубы «за отличие» одевать на простые трубы, для которых были установлены «кантованные шнурсы с двумя кистями». Насколько мне известно, все подобные боевые отличия всегда хранились в полках, как реликвии, и вывозились исключительно редко в дни торжественных парадов. Но, конечно, в каждом монастыре свой устав.

Также невероятно, что инструменты хора трубачей Белорусцев не строили с инструментами хоров других полков Варшавского Военного Округа? Во первых: во всей нашей армии, все части войск имевшие хоры музыки и трубачей, все без исключения, принимая инструменты с фабрики имели их настроенными по Парижскому камертону в 870 колебаний, что было Высочайше утверждено тем же вышеупомянутым распоряжением Глав. Управ. Ген. Штаба от 4-го июня 1911 года за № 7978, пункт «а». Во-вторых: ни «четверти», ни тем более «восьмой» тона в музыке, как неуловимых для человеческого уха, — не существует, но в каждом хоре музыки, бывали случаи, когда какой-нибудь инструмент, по причине помятости, искривления и подоб. дефектов, — «не строил». В несложных случаях этот недостаток регулировался помощью «крон», в тяжелых же — просто отправлялся на фабрику для исправления. Но чтобы весь хор трубачей в целом не строил бы с другими хорами — вещь совершенно невозможная, и я думаю, автор статьи грешит ошибкой.

Если Белорусских трубачей «можно было безошибочно узнать издали по их высокому тону», то это можно только объяснить тем, что исполнявшийся ими репертуар был аарнжиован в повышенной тональности. Но почему было сделано усложнение для музыкантов, понять трудно, как и объяснить это? Это, видимо, личная фантазия полкового капельмейстера, руководившего хором трубачей. Ведь прекрасный хор С. Жарова тоже поет «бабьими голосами» из-за повышенных тональностей исполняющегося репертуара, но это делается для эффекта перед публикой; может быть, то же было сделано и с трубачами Белорусцев, чтобы их можно было «безошибочно узнать издали!»

А. А. Скрябин

К ОФИЦЕРАМ БЕЛЫХ АРМИЙ

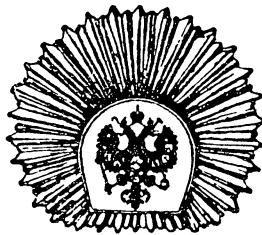
В эти, текущие «шестидесятые» годы, которые, возможно, являются «последней декадой» русской военной эмиграции, мы должны приложить все усилия, дабы сохранить возможно больше сведений о себе и о той, замечательной, эпохе, свидетелями которой нам привелось быть.

Многое, в этом отношении, уже сделано — достаточно просмотреть составляемые А. А. Герингом «Материалы к библиографии русской военной печати за рубежом», чтобы убедиться как плодотворна была русская военная эмиграция в области военной печати, но это еще не все. Остается целый ряд других сторон нашей военной истории, еще недостаточно нами освещенных. Вот об одном из таких «пробелов» мы и хотим поговорить сейчас.

Нам надлежит составить наше собственное «Историческое описание одежды и вооружения Белых Армий». Сделать это мы должны как можно скорее, ибо все постепенно забывается и многое, по всей вероятности, уже забыто. Конечно, много сведений об одежде, вооружениях, знаменах и иных регалиях Белых Армий рассеяны по страницам зарубежных военных журналов и иных изданий, но нам необходимо все это систематизировать и восполнить все пробелы. Если мы этого не сделаем, то все эти сведения «погибнут безвозвратно» и восстановить их потом — будет делом невозможным.

Когда Александр Васильевич Висковатов составлял свое, достопамятное, «Историческое описание одежды и вооружения российских войск», то делал он это, живя на родине; для него были открыты все военные архивы и арсеналы, и все же многое уже было забыто, и он принужден был добывать недостающие сведения путем опроса очевидцев. Мы же должны сделать все это, живя в рассеянии, без архивов и арсеналов, работая по памяти и по немногим уцелевшим документам и подлинным предметам.

Но, пока существуют еще различные Объединения участников Белого движения, сделать это возможно. Пусть они займутся этим делом и опишут все, что помнят и знают о формах и вооружении своих частей, пусть подберут уцелевшие фотографии и сами сделают различные рисунки. Страницы «ВОЕННОЙ БЫЛИ» открыты для всего этого материала. Со временем из этих разрозненных описаний составится единое целое, но САМОЕ ГЛАВНОЕ — не терять времени, ибо дни наши уже сочтены.

КО ВСЕМ БЫВШИМ ВОСПИТАНИКАМ ВОЕННО-УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЙ

При любезном содействии ротмистра А. А. Скрябина, становится на практическую почву вопрос о выпуске в издательстве «Наша Слава» диска № 8, целиком посвященного корпусам и военным училищам. Предполагаемая программа диска: Марш Военно-Учебных заведений (пехотный оркестр), Встреча Суворовского к. к. («Гром победы раздавайся»), «Августейший Кадет» марш Первого к. к., Марш Полоцкого к. к., Песнь Дворянского Полка («Братья все в одно молене»), «Дружным кадеты строем сомкнитесь» (марш) и в исполнении хора с оркестром несколько куплетов «Звериады». Если подписка на этот диск даст достаточные средства, то и две последние песни будут сделаны мужским хором и оркестром.

Условия подписки и расценка та же самая, что и на остальные диски этого Издательства. Для общего удобства желательно было бы объявить подписку по всем Объединениям и уже собранные суммы посыпать в центр по адресу, который будет указан впоследствии. Для не членов Объединений подписка принимается в редакции «Военной Были» и «Вестника».

Алексей Геринг

ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ

Не откажите поместить в ближайшем номере «ВОЕННОЙ БЫЛИ» следующее: В номере 58 журнала, в моей статье «Королева Вюртембергская Ольга», я допустил ошибку. Великая Княжна Ольга Николаевна была не старшей а второй дочерью Императора Николая Павловича. Старшая Его дочь была Великая Княжна Мария Николаевна.

Полковник А. Рябинин

Материалы к библиографии Русской Военной печати за рубежом

(Продолжение).

57. — ЧЕРНОМОР (кап. 2-го ранга К. Г. Люби). — Волны Балтики. Описание военных действий Балтийского Флота в 1914-15 г.г. Изд. «Для Вас», Рига 1939 г. 319 стр. больш. форм.
58. — «С БЕРЕГОВ АМЕРИКИ» — Юбилейный исторический сборник 1923-1938. Изд. Об-ва Русских морских офицеров в Америке. Ревель 1939 г., 356 стр., 15 илл., 3 карты и 2 плана.
59. — Н. А. МОНАСТЫРЕВ — Дорога на NNO Земля Франца-Иосифа, по-французски. 1937 г., 60 стр., 1 карта.
60. — Н. А. МОНАСТЫРЕВ — Ледокол «Ермак» 1899 г. перепечатка по-английски из «Ревю Маритим» 1936 г., 25 стр.
61. — Н. А. МОНАСТЫРЕВ — Большая гидрографическая экспедиция в Северном Ледовитом океане 1911-1915 г.г. Перепечатка по-английски из «Ревю Маритим» 1937 г. 40 стр., 2 карты.
62. — Н. А. МОНАСТЫРЕВ — Ля Марина Руссо Мелла герра мондиана, по-итальянски.
63. — номер пропущен.
64. — Д. В. НИКИТИН (Фокагитов) — В отлива час. 12 ис.орич. рассказов и статей. Морское Изд-во при Кают-компании в Сан-Франциско. 1939 г. 227 стр., 6 иллюстр.
- 1940 год:
65. — А. А. ГЕФТЕР — Поцелуй. Рассказы. Тянь-Цзинь 1940 г. 216 стр.
- 1943 год:
66. — А. А. ГЕФТЕР — Подвиг. Рассказы. Тянь-Цзинь 1940 г. 232 стр.
67. — Общество бывших русских морских офицеров в Америке. — Юбилейный выпуск журнала «Морские Записки» к 20-летию Общества. Нью-Йорк 1943 г. 80 стр., 8 иллюстр. на отдельных листах.
- 1944 год:
68. — Александр ТАРСАИДЗЕ — Морской корпус за четверть века 1901-1925. Изд. Нью-Йорк 1944 г. 88 стр., 4 иллюстр.
69. — Барон Г. Н. ТАУБЕ, стар. лейт. Гвард. Экипажа — Описание действий Гвардейского Экипажа на суше и на море в войну 1914-1917 г.г. Изд. Нью-Йорк 1944 г. 36 стр. с иллюстр.
- 1946 год:
70. — Н. А. и Н. Н. ЕПАНЧИНЫ — Три адмирала из семейной хроники 1787-1913 г.г. Изд. Нью-Йорк 1946 г. 95 стр., 9 иллюстр. отдельно.
- 1949 год:
71. — Общество б. русских морских офицеров в Америке. Исторический очерк 1923-1948 г.г. под ред. С. В. Гладкого и Ю. К. Дворжицкого. Нью-Йорк 1949 г. 96 стр., 1 группа и 51 портрет.
72. — К. И. МАЗУРЕНКО — инж. мех. лейт. — На «Славе» в Рижском заливе. Джорданвиль Н. И. 1949 г. 71 стр., 5 иллюстр.
- 1950 год:
73. — Морское Инженерное Училище Императора Николая I. Юбилейный сборник ко дню 150-летия училища. Изд. Корабельных инженеров и инженер-механиков Флота в Нью-Йорке. 60 стр., 5 портр. и 9 иллюстр.
- 1951 год:
74. — «КОЛЫБЕЛЬ ФЛОТА» — 1701-1951. Юбилейный Сборник ко дню 250-летия основания Навигацкой Школы. Изд. Совета Старшин Всезарубежного Объединения Морских Организаций. Париж 1951 г. 324 стр., 16 фотогр., 10 портр.
- 1960 год:
75. — И. М. БЕЛАВЕНЕЦ — Выпуск 1920 года из Морского Училища. а) 20 лет спустя, 14 стр.; б) 30 лет спустя с 4 дополнениями и алфавитным указателем, 32 стр. Нью-Йорк 1954 г.; в) 37 лет спустя, 264 стр. Нью-Йорк 1957 г.; г) 38 лет спустя, 39 стр. и д) 40 лет спустя с дополнениями. Нью-Йорк 1960 г., 109 страниц.
76. — Г. Б. АЛЕКСАНДРОВСКИЙ — Цусимский бой. Нью-Йорк 1956 год.
77. — И. А. КОНОНОВ — Голгофа Русского флота.
78. — Контр-адмирал С. Н. ТИМИРЕВ — Воспоминания морского офицера. Балтийский флот во время войны и революции 1914-1918 г.г. Изд. Американского Об-ва Русской морской истории. Нью-Йорк 1961 г. 172 стр.

РУССКИЕ ВОЕННО-МОРСКИЕ ЖУРНАЛЫ, ИЗДАННЫЕ ЗА РУБЕЖОМ

(частично вошли уже в предыдущие списки).

МОРСКОЙ СБОРНИК, ред. кап. 2 р. Монастырев, изд. Бизерта, июль 1921-декабрь 1924 г. на ротаторе вышло 31 номер.

ЖУРНАЛ КРУЖКА МОРСКОГО УЧИЛИЩА, Бизерта-Белград, январь-апрель 1922 г. вышло 4 номера.

ЗВЕНО, ред. мичман П. В. Репин, изд. г. Брно, март 1925-январь 1927, вышло 21 номер.

СИГНАЛ, ред. корабл. гард. Н. Цветков и А. П. Покотилов, изд. Париж ноябрь 1927-апрель 1928 г.г., вышло 2 номера.

МОРСКОЙ ЖУРНАЛ, ред. лейтен. М. С. Ставхевич, изд. Прага январь 1928-ноябрь 1939 г., вышло 140 номеров.

ЗАРУБЕЖНЫЙ МОРСКОЙ СБОРНИК, ред. кап 1-го р. Я. И. Подгорный, изд. Пильзен июль 1928-1931 г., вышло 13 номеров.

ЗАПИСКИ ВОЕННО-МОРСКОГО ИСТОРИЧЕСКОГО КРУЖКА, ред. кап. 2-го р. М. О. фон-Кубе, изд. Париж, апрель 1931-апрель 1937 г.г. на ротаторе, вышло 8 номеров.

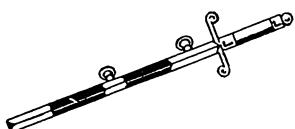
НОРД-ОСТ 23, изд. 7-го Военно-Морского Округа Союза Младороссов, изд. Париж 1934 г. вышел один номер.

ВАХТЕННЫЙ ЖУРНАЛ, ред. стар. лейт. Ю. М. Горденев, изд. Сан-Франциско январь 1935-ноябрь 1938 г. Вышло 22 номера.

АРМИЯ И ФЛОТ, ред. Е. В. Кравченко, изд. Париж, январь 1938-декабрь 1939 г. Завед. Морским Отделом лейт. И. И. Стеблин-Каменский. Вышло 9 номеров.

МОРСКИЕ ЗАПИСКИ, ред. ст. лейт. С. В. Гладкий 1943-46 г.г. и стар. лейт. барон Г. Н. Таубе с 1946 г. до окончания, изд. Нью-Йорк, март 1943-1963 г. Вышло 59 номеров.

БЮЛЛЕТИН ОБЩЕСТВА Б. ОФИЦЕРОВ ИМПЕРАТОРСКОГО ФЛОТА под ред. ст. лейт. Ю. К. Дворжицкого, изд. в Нью-Йорке с 1943 года.

ПЕРВЫЙ В СИБИРИ КАДЕТСКИЙ КОРПУС (1813-1933). Сборник, посвященный 120-летию со дня основания 1-го Сибирского Императора Александра I-го кадетского корпуса в г. Омске. Издание бывших кадет корпуса. Харбин 1934 г. 68 стр., 36 фотогр.

— 1-й СИБИРСКИЙ ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА I-го кадетский корпус. Издание Общества бывших воспитанников корпуса в г. Шанхае. Шанхай 1940 г. 416 стр. около 250 фотогр.

«КАДЕТ СИБИРЯК АЛЕКСАНДРОВЕЦ». Периодический литературный иллюстрированный журнал, ставящий себе целью быть отражением жизни и переживаний кадетских корпусов как в мирное время так и в самые последние дни смуты. Издание Об-ва Сибириаков-Александровцев в Белграде, 16 листов, вышло 2 номера.

ВЕВЕРН Б. В. — Семь лет кадетской жизни. По моим сведениям, имеется где-то один экземпляр, написанный на машинке.

ЗАЙЦОВ А. А. проф. полковник. — Служба Генерального Штаба. Изд-во «Военный Вестник». Нью-Йорк 1961 г. 210 стр. больш. форм. на ротат.

МОЛЛО Е. С. — Русское холодное оружие 18 и 19 вв. Издание Военно-Историч. Библиотеки «Военной Были» № 2. 16 стр. с рис. Париж 1962 г.

ПАВЛОВ В. Е. подполк. составил — Марковцы в боях и походах за Россию. Том. I 1917-1918 гг. Париж 1962 г. 400 стр. с мн. схемами и фотогр.

ЯГЕЛЛО В. П. составил — Княжеконстантиновцы. Изд. Военно-Исторической Библиотеки «Военной Были» № 3. Париж 1962 г. 8 стр. фотогр.

Этим я временно заканчиваю печатание Материалов для библиографии Русской военной печати за рубежом. Этим исчерпывается все что мне удалось собрать по сей день. Работа продолжается и по мере накопления списков, я буду их печатать в «Военной Были». Еще раз от всей души благодарю тех очень немногих господ офицеров, которые помогли мне в моем труде и вновь обращаюсь с той-же просьбой к полковым Объединениям и отдельным военным за рубежом: присылайте мне все известные вам материалы. У меня почти нет данных о полковых памятках, тем не менее, я знаю что таковые издавались и продолжают до сих пор выходить в свет. Мне хочется чтобы все поняли и почувствовали всю необходимость и важность этой работы для будущего историка. Одному — очень трудно но если каждое Объединение даст сведения о своих изданиях, если каждый офицер пришлет хотя бы два-три известных ему названия, дело быстро двинется вперед.

Алексей ГЕРИНГ

Принимается подписка на 1963 год на ежемесячную военно-национальную газету

«ВЕСТИК»

Издание Обще-Кадетского Объединения под редакцией А. А. Геринга

Тринадцатый год издания

Подписка принимается по адресу редакции: 61, rue Шардон-Лагаш, Париж 16 а также у всех представителей «ВОЕННОЙ БЫЛИ» и «ВЕСТИКА».

Подписная цена с пересылкой на год: 7 нов. фр. в странах заокеанских — 2 дол. 40 ц.

Почтовый Счет «Le Passé Militaire» 3910 - 12 Париж

Журнал «ВОЕННАЯ БЫЛЬ» можно получать:

Париж — в Конторе журнала — 61, rue Chardon - Lagache, Paris 16 и в русских книжных магазинах.

Брюссель — у И. Н. Звездкина — 1, Chemin Ducal, Tervuren.

Лондон — а) у В. В. Барачевского — 23, Alder Grove, London N. W. 2, б) у Д. К. Краснопольского — 19, Warwick Road, London S. W. 5.

Германия — у И. Н. Горяйнова — Hamburg-Postamt 33, Deutschland. Postlagernd.

Копенгаген — у Г. П. Пономарева — Bredgade 53, Copenague.

Италия — у В. Н. Дюкина — Via Nemorense 86, Roma.

Сев. Ам. С. Ш. — а) в Обще-Кадетском Объединении у — А. Куторга — 272, 2 Avenue San-Francisco 18, б) у С. А. Кашкина — P.O. Box 68, Bellerose 26, L. I., N. Y.

Канада — у Б. Л. Орешкевича, 167, Chisholm Ave Toronto 13, Ont.

Австралия — а) у В. Ю. Степанова, 57, rue Bruce, Stanmore (N.S.W.); б) у Н. А. Косач, 16, Valmai Ave. King's Park, Adelaide, South Australia.

Венесуэла — у К. А. Келльнера — 24, av. Sarria, Caracas.

Аргентина — у Г. Бордокова, Zapiola 4192 Buenoe - Aires, Argentina.

Литературно-политические тетради

«ВОЗРОЖДЕНИЕ»

Независимый орган национальной мысли.

37-й год издания.

Адрес редакции:
73, Avenue des Champs Elysées, Paris 8e.

«МОРСКИЕ ЗАПИСКИ»

под ред. стар. лейт. барона Г. Н. ТАУБЕ.

Вышел и разослан подписчикам № 3/4(57)
т. XX 1962 г.

Подписная цена — 3 дол. в год.
Представитель на Францию:
В. И. Яковлев, 5 bis, rue de Tourville,
St. Germain en Laye (S. et O.)

«МАРКОВЦЫ В БОЯХ И ПОХОДАХ ЗА РОССИЮ»

Том I.

Книга написана по историческим материалам, дневникам и воспоминаниям участников Первого и Второго Кубанских походов. 400 стр., много схем и фотографий. Цена книги — 25 фр. без пересылки. Принимается подписка на 2-й том.

ВЫШЕЛ ИЗ ПЕЧАТИ И ПОСТУПИЛ В ПРОДАЖУ

СБОРНИК ПАМЯТИ
ВЕЛИКОГО КНЯЗЯ КОНСТАНТИНА КОНСТАНТИНОВИЧА
ПОЭТА К. Р.

ИЗДАНИЕ СОВЕТА ОБЩЕ-КАДЕТСКИХ ОБЪЕДИНЕНИЙ.

Продается в Конторе Издательства 61, рю Шардон-Лагаш, Париж 16.

Цена — 21 нов. фр., страны заскаенские — 5 amer. долл.

НА СКЛАДЕ ИМЕЮТСЯ СЛЕДУЮЩИЕ
КНИГИ, ДОХОД ОТ ПРОДАЖИ КОТОРЫХ
ИДЕТ В ПОЛЬЗУ ИЗДАТЕЛЬСТВА.

История лейб-гвардии Конного полка —
300 нов. фр.

К. С. ПОПОВ — Лейб-Эриванцы в Великой
войне — 25 нов. фр.

А. Л. МАРКОВ — Кадеты и юнкера —
20 нов. фр.

М. КАРАТЕЕВ — Караб-Мурза —
15 нов. фр.

Генерал А. А. фон-ЛАМПЕ — Пути верных
16 нов. фр.

Контр-адмирал ТИМИРЕВ — Воспоминания
морского офицера — 15 нов. фр.

Генерал-майор А. И. СПИРИДОВИЧ — Ве-
ликая война и февральская революция,
в 3-х томах — 90 нов. фр.

ЕВГЕНИЙ МОЛЛО — Русское холодное
оружие XX века — 2 н. фр.

Г. П. ИШЕВСКИЙ — Честь — 8 нов. фр.

И. А. ПОЛЯКОВ — Донские казаки в борь-
бе с большевизмом — 22 н. фр. 50 с.

П. В. ПАШКОВ — Ордена и знаки отличия
гражданской войны — 6 нов. фр.

ЮРИЙ СЛЕЗКИН — Две семьи —
5 нов. фр.

БУЛГАКОВ — Русский и герм. воен. мир о
творчестве К. С. Попова — 4 нов. фр.

Б. М. КУЗНЕЦОВ — 1918 г. в Дагестане —
8 нов. фр. 50 сант.

Б. М. КУЗНЕЦОВ — В угоду Сталину, том
II — 11 нов. фр. 50 сант.

ВЫШЛА ИЗ ПЕЧАТИ

Знамена и штандарты русской
армии

Часть 1-я: От XVI века до 1800 года.

Тетрадь текста с подробнейшим описанием по-русски и по-французски и 73 нераскрашенных таблиц с около 700 рисунков.

Цена с пересылкой — 50 фр. или 11 амер. долл.

Выпущено только СТО экземпляров.
Часть 2-я (1801-1914) предположительно
выйдет в начале 1964 года и будет прода-
ваться ТОЛЬКО приобретшим часть 1-ую.

Обе части считаются как одно неразрывное целое, посему заинтересованных лиц
прошу при переводе платы за 1-ую часть
заявлять о своей подписке на 2-ую.

Уплата может производиться из Фран-
ции почтовым переводом или банковским
чеком, из за-границы — почтовым перево-
дом или Америкен Экспресс, а банковские
чеки принимаются только в том случае ес-
ли банк имеет в Париже отделение, кото-
рое он оповещает о выписанном чеке и оно
выплачивает без вычета какой-либо ко-
миссии.

Владимир Владимирович ЗВЕГИНЦОВ

17, rue Saint-Saëns, Paris 15.